

Я путешествую одна

Автор:

Самюэль Бьорк

Я путешествую одна

Самюэль Бьорк

Мастера саспенса Холгер Мунк и Миа Крюгер #1

В лесу в окрестностях Осло обнаружено тело шестилетней девочки. Она одета в кукольное платье, за спиной у нее школьный ранец, а на шее – лента с надписью «Я путешествую одна».

Гениальная Миа Крюгер, обладающая уникальным чутьем следователя, ушла из полиции несколько лет назад и поселилась на безлюдном острове в норвежских фьордах, где предаётся мучительными воспоминаниями и мыслям о самоубийстве. Но когда бывший босс Холгер Мунк показывает ей фотографии с места преступления, Миа понимает: девочка в лесу – только первая жертва, так что вернуться и раскрыть это дело – ее долг. Но Миа Крюгер еще не знает, насколько глубоко она в действительности замешана в этой истории...

Самюэль Бьорк

Я путешествую одна

Лиза шла в школу, топ-топ-топ.

В новом платье радостно шагала.

Норвежская детская песенка

«DET HENGER EN ENGEL ALENE I SKOGEN»

by Samuel Bjørk

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Ahlander Agency.

This translation has been published with the financial support of NORLA.

Copyright © Samuel Bjørk 2013

© Назарова М.В., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

28 августа 2006 года в родильном отделении больницы Рингерике в Хёнефоссе на свет появилась девочка. Ее мать, двадцатипятилетняя воспитательница Катарина Улсен, была больна гемофилией и умерла при родах. Акушерка и несколько медсестер, помогавших ей, позже говорили, что ребенок родился необыкновенно красивым. Новорожденную описывали как тихую, но невероятно живую девочку со взглядом, из-за которого все сотрудники отделения относились к малышке по-особому. В документах Катарина Улсен указала отца как неизвестного. В последующие дни руководству больницы Рингерике вместе с местным комитетом по охране детства удалось найти бабушку ребенка, проживавшую в Бергене. Женщина не знала даже о беременности дочери, а приехав в больницу, обнаружила, что ребенок пропал. На протяжении следующих недель полиция Рингерике вела розыск девочки – безрезультатно. Два месяца спустя шведский медбрат Йоаким Виклунд был найден повешенным в своей квартире в центре Хёнефосса. На полу под телом лежал лист бумаги с набранным на компьютере текстом: «Мне очень жаль».

Девочку так и не нашли.

Вальтер Хенриксен сидел за столом и отчаянно пытался проглотить хоть кусочек завтрака, поданного женой. Яичница с беконом. Селедка, копченая колбаса и свежий хлеб. Чай из выращенных в их собственном саду трав. В том самом саду, который она так хотела и ради которого они купили этот дом на окраине Осло, рядом с лесом Эстмарка. Чтобы она могла воспитывать здоровые привычки. Ходить в лес на прогулки. Ухаживать за небольшим огородом. Собирать грибы и ягоды и дать собаке свободную жизнь. Вальтер не выносил этого кокер-спаниеля, но обожал жену и поэтому пошел на все это ради нее.

Он проглотил кусочек бутерброда с селедкой и изо всех сил боролся с телом, которое хотело выбросить его обратно. Сделав большой глоток апельсинового сока, он попытался улыбнуться, хотя у него было ощущение, словно кто-то ударил его молотком по голове. Корпоратив вчера вечером пошел не по плану, и он снова не удержался от алкоголя.

Фоном звучали новости, пока Вальтер пытался прочесть настроение на лице жены. Спала ли она, когда он пришел домой под утро? Он не помнил, во сколько, но было поздно, слишком поздно. Он помнил, что разделся, а также смутную мысль, что она уже, к счастью, спит, перед тем как он завалился на слишком жесткий матрас, на покупке которого настояла жена, потому что в последнее время у нее появились проблемы со спиной.

Вальтер покашлял, вытер рот салфеткой и погладил себя по животу, как будто от удовольствия и сытости.

– Может быть, я схожу прогуляюсь с Леди? – пробормотал он, изобразив подобие улыбки.

– Да, отлично, – кивнула жена, немного удивившись, потому что, хотя об этом и не говорили вслух, она прекрасно знала, что он не любил их трехлетнюю собаку.

– Может быть, вы в этот раз пройдётесь подальше, чем просто вокруг дома?

Он искал в ее голосе ту подавляемую агрессию, которая обычно означала недовольство, улыбку, которая была вовсе не улыбкой, а чем-то другим, но не нашел ничего подобного: она выглядела вполне довольной. Он справился, слава богу. И пообещал себе, что такое больше не повторится. Здоровый образ жизни – и больше никаких корпоративов.

– Я думал отвести ее в Маридален, может, по той дорожке к Даушёен.

– Замечательно, – улыбнулась она.

Она погладила собаку по голове, поцеловала в лоб и потрепала за ухом.

– Папочка берет тебя на прогулку, это будет так здорово, правда, моя маленькая, малышка моя, да?

Вальтер ходил в Маридален в те редкие разы, когда выгуливал собаку. Он никогда не любил собак, ничего не знал о них и, если бы мог, вообще избавил бы мир от этих животных. Он чувствовал нарастающую неприязнь к глупой псине, тянущей поводок, чтобы он пошел быстрее. Или чтобы он подождал. Или пошел в другую сторону. Наконец он поднялся на дорожку, ведущую к Даушёен. Здесь можно было отпустить собаку с поводка. Он присел на корточки, погладил по голове в попытке проявить ласку и отцепил поводок.

– Вот, теперь можешь немного побегать.

Собака посмотрела на него глупыми глазами и высунула язык. Вальтер закурил и на мгновение почувствовал нечто похожее на любовь к этому маленькому существу. Это ведь не ее вина. Собака была совершенно нормальной. На свежем воздухе головная боль немного отступила. Теперь он будет любить собаку. Ах, она такая милая. На самом деле это даже здорово – побродить вместе по лесу. Теперь они почти подружились, и она так хорошо его слушается. Без поводка она все равно шла по тропинке рядом с ним.

Вдруг Леди рванула в сторону и понеслась в лес.

Черт побери.

– Леди!

Вальтер Хенриксен стал звать собаку, но тщетно. Он бросил сигарету, тихо выругался и начал взбираться на холм, куда убежала собака. Через несколько сотен метров он остановился как вкопанный. Собака лежала на небольшой полянке. И в этот момент он заметил девочку, висящую на дереве. Качающуюся над холмом. Со школьным рюкзаком на спине и лентой на шее с надписью:

Я путешествую одна.

Вальтер Хенриксен упал на колени и на автомате сделал то, чего ему хотелось все утро с момента пробуждения.

Его стошнило, и он заплакал.

2

Миа Крюгер проснулась от крика чаек.

Вообще-то ей уже пора было привыкнуть к ним, ведь прошло целых четыре месяца с тех пор, как она купила этот дом далеко во фьорде, но город будто бы еще не отпустил ее. Квартира в Торшов, на Вогтсгате, где всегда было шумно: автобусы, трамваи, сирены полиции и «скорой помощи»... Она ни разу не просыпалась от них, эти звуки даже как будто успокаивали ее, но крик чаек она не могла вынести. Может, это потому, что, кроме них, никаких звуков больше не было?

Она потянулась за часами на ночном столике, но не разглядела, сколько было времени. Стрелки как будто исчезли, словно их поглотил туман, четверть одиннадцатого или половина второго, а может, пять минут чего-то еще. Таблетки, которые она приняла вечером, все еще действовали. Успокоительные, притупляющие, подавляющие, нельзя принимать с алкоголем, но кому какое дело... Осталось всего двенадцать дней до смерти, в календаре на кухне

осталось двенадцать незачеркнутых клеточек.

12 дней. 18 апреля.

Миа села в кровати, натянула свитер и, пошатываясь, спустилась в гостиную.

Один коллега выписал ей эти таблетки. Ниспосланный небесами друг, который должен помочь ей забыть, пережить, идти дальше. Полицейский психолог – или он психиатр? Наверное, психиатр, раз может выписывать рецепты. В любом случае она получила от него то, что хотела. Даже здесь, на острове, хотя купить тут что-то непросто. Ей нужно одеться. Завести мотор лодки. Мерзнуть пятнадцать минут – столько занимает путь до набережной. Завести машину. Ехать сорок минут до Филлана, местного центра цивилизации. Он не очень-то похож на центр, но аптека там есть. В торговом центре «Йортен». И там же винная монополия. Рецепты были переданы из Осло и готовы. Некоторые от психиатра, некоторые от терапевта. Эти врачи так хорошо помогали, были такими «сочувствующими». Будь осторожна, не принимай слишком много. Но Миа не собиралась быть осторожной. Она приехала сюда не чтобы поправиться. Она приехала сюда, чтобы исчезнуть.

Еще 12 дней. 18 апреля.

Миа Крюгер взяла бутылку воды «Фаррис» из холодильника, оделась и спустилась к морю. Она села на камень, плотнее закуталась в куртку и приняла первые за день таблетки. Перебрала их в кармане. Разноцветные. Она понятия не имела, какие из них она только что выпила, голова все еще шла кругом. Да это и неважно. Она запила их из бутылки и вытянула ноги к воде. Сидела и смотрела на свои сапоги. Бессмыслица какая-то – казалось, будто это не ее ноги, а чужие, где-то вдали. Она перевела взгляд на море. В этом тоже не было никакого смысла, но Миа заставила себя не отрывать глаза от маленького островка вдали, названия которого не знала.

Она выбрала место наобум. Хитра. Остров в Трёнделаге. Ей было все равно, где, только бы в одиночестве. Она позволила риелтору решить. Продайте мою квартиру и дайте что-то взамен. Риелтор посмотрел на нее косо, как на сумасшедшую или идиотку. Но ему главное заработать денег, так что черт с ней, все равно. С белозубой улыбкой, претендующей на дружелюбность, он сказал, что справится с этим. Хотите продать сразу же? Какие-то предпочтения по месту

нового дома? Притворная вежливость, но она видела, что за ней скрыто. Ее бросило в жар от этой мысли. Лживые, уродливые глаза. Миа всегда видела людей изнутри. Сейчас она насквозь видела его, этого гладкого типа в костюме с галстуком, и он ей не нравился.

Ты должна пользоваться своим талантом, раз он у тебя есть! Ты что, не понимаешь? Ты должна им пользоваться, и это именно то, для чего он тебе пригодится!

Больше она не будет пользоваться им. Никогда и ни для чего. Эта мысль успокоила ее. Вообще она стала очень спокойной с тех пор, как приехала сюда. На остров Хитра. Риелтор молодец. Она почти послала ему мысленный привет.

Миа Крюгер поднялась с камня и пошла по тропинке к дому. Пора выпить. Она не знала, сколько сейчас времени, но уже пора. Она купила дорогое вино, заказала его заранее. Какая-то нелепость: зачем наслаждаться дорогим алкоголем, если осталось так мало времени? С другой стороны, почему бы и нет? Почему одно, почему другое? Она давно перестала думать о таких вещах. Открыла бутылку «Armagnac Domaine de Pantagnan» 1965 года и налила себе три четверти чайной чашки, стоявшей немытой на кухонном столе. Арманьяк за 800 крон из немытой чашки. Думаешь, мне есть дело? Она улыбнулась самой себе, достала еще таблеток из кармана и снова спустилась к камню.

И снова послала мысленный привет риелтору с неестественно белыми зубами. Если бы ей нужно было место для жизни, этот дом вполне подошел бы. Воздух, вид на море, покой под белыми облаками. Она никогда не испытывала симпатии к области Трёнделага, но этот островок понравился ей сразу. Здесь были олени. Бессчетное множество оленей. Это очаровало ее: олень представлялся ей в других местах – на Аляске или в фильмах. Но красивый зверь, которого непременно застрелят, был здесь. Миа Крюгер научилась стрелять в академии, но никогда не любила оружие. Нельзя играть с оружием, им нужно пользоваться только в случае крайней необходимости, а лучше – никогда. Сезон охоты на оленей продолжался на Хитра с сентября по ноябрь. Однажды по пути в аптеку она увидела компанию молодежи – они пытались привязать тушу оленя к машине. В феврале, когда охотиться запрещено. На мгновение она подумала остановиться, записать их имена и выписать им заслуженный штраф, но сдержалась.

Однажды полицейский – навсегда полицейский?

Теперь уже нет. Больше никогда.

Осталось двенадцать дней. Восемнадцатое апреля.

Она допила арманьяк, откинула голову назад и закрыла глаза.

3

Холгер Мунк, обливаясь потом, стоял в зале прилетов в аэропорту Вернес и ждал свою арендованную машину. Самолет, как обычно, задержался из-за тумана в Гардермуэне, и Холгер снова подумал о следователе Яне Фредрике Виборге, который якобы совершил самоубийство после того, как раскритиковал планы расширения главного аэропорта из-за погодных условий. Даже теперь, спустя восемнадцать лет, Мунка не оставляло в покое это дело: взрослый человек выпрыгнул из маленького окна в отеле, без причины, прямо перед тем как Стортинг[1 - Норвежский парламент. Здесь и далее – примечания переводчика.] принял решение расширить аэропорт? И почему ни датская, ни норвежская полиция не захотели тщательно проработать дело?

Он отбросил эту мысль, когда светловолосая девушка за стойкой «Europcar» кашлянула в знак того, что подошла его очередь.

– Мунк, – сказал он сухо. – Машина должна быть уже заказана.

– Ах, да, так это у вас будет новый музей в Осло? – подмигнула девушка в зеленой униформе.

Мунк не сразу понял шутку.

– Или вы все же не художник? – улыбнулась она, быстро печатая на компьютере.

– Что? А, нет, не художник, – сухо ответил он. – Даже не родственник.

Будь я художником, я бы тут не стоял, подумал Мунк в тот момент, когда девушка протягивала ему бумагу на подпись.

Холгер Мунк ненавидел летать, поэтому настроение у него было не лучшим. Не потому, что он боялся падения самолета. Его хобби была математика, и он точно знал, что вероятность падения самолета меньше, чем шанс попасть под удар молнии два раза в один день. Нет, он ненавидел летать, потому что ему с некоторых пор было тесно на сиденье.

– Ну вот, – девушка в зеленой униформе улыбнулась и дала ему ключи. – Просторная хорошая «Вольво V70», оплачена, время аренды не ограничено, вы можете сдать ее где и когда хотите. Хорошей поездки.

Просторная? Это была еще одна шутка, или она так решила его успокоить? Вот вам большая машина, где вам хватит места, а то вы такой толстый, что не видите своих ботинок.

Холгер Мунк бросил взгляд на свое отражение в одном из больших окон по пути из зала прилетов к парковке. Наверно, уже пора. Пора начать тренироваться. Следить за питанием. Сбросить пару килограммов. Он начал думать об этом в последнее время по нескольким причинам. Он давно уже не бегал по улицам за преступниками, для этого были подчиненные, так что причина не в этом. В последние недели у Мунка немного разыгралось тщеславие.

Боже, Холгер, новый свитер? Боже, Холгер, новая куртка? Боже, Холгер, ты сбрил бороду?

Он завел «вольво», поставил свой телефон на подставку и включил его. Только успел пристегнуться и поехать в сторону центра, как начали приходить сообщения. Холгер вздохнул. Всего час с выключенным телефоном, и вот, все заново. Никогда не оставят в покое. На самом деле не только самолет так испортил его настроение. В последнее время многое накопилось. И дома, и на работе. Холгер водил пальцем по экрану смартфона, который его обязали купить. Современная полиция, новейшие технологии – даже в Хёнефоссе, где он провел последние восемь месяцев. Отделение полиции Рингерики. Именно там он начал свою карьеру, и вот он снова оказался там. Из-за происшествий у Трюванна.

Семь пропущенных из главного офиса. Два от бывшей жены. Один от дочери. Два из дома престарелых. И миллион сообщений.

Холгер Мунк решил, что мир немного подождет, и включил радио. Нашел станцию с классической музыкой, опустил окно и зажег сигарету. Курение было его единственной вредной привычкой, не считая еды, разумеется, но это совсем другое дело. Он не собирался бросать курить, сколько бы новых законов ни принимали политики и сколько бы запрещающих курение табличек ни стояло на его пути – как, например, на приборной доске этой машины.

Без сигареты не получалось думать, а думать Холгер Мунк любил. Напрягать мозги. Тело существует, пока работает мозг. По радио играли «Мессию» Генделя, не самая любимая у Мунка, но вполне подходящая моменту. Ему больше нравился Бах, он любил математичность в музыке, а не всех этих чувственных композиторов. Арийские военные марши Вагнера, импрессионистский эмоциональный мир Равеля. Мунк слушал классику, чтобы избежать человеческих чувств. Если бы музыка была математическим предметом, было бы намного проще. Он быстро провел пальцем по обручальному кольцу и подумал о бывшей жене. Уже десять лет прошло, а он все еще не может его снять. Она звонила? Может быть, и правда она?

Да нет. Снова про свадьбу. У них есть общая дочь, Мириам. Она собирается замуж, и нужно обсудить техническую сторону дела. Вот и все. Холгер Мунк выбросил окурок в окно и зажег новую сигарету.

Я не пью кофе, не пью алкоголь. Черт с ним, могу я хотя бы выкурить сигарету?

Он напился всего один раз, в четырнадцать лет, самодельным отцовским вином из вишни, в деревне. С тех пор он ни разу не пил. Не было потребности. Не было желания. Разрушать мозговые клетки? Как такое в голову может прийти? Вот сигареты – это другое дело. И, может быть, бургер?

Он свернул на заправку «Шелл» и, заказав меню дня с бургером и беконом, съел его на лавке с видом на фьорд Тронхейма. Если бы коллегам нужно было описать Холгера Мунка в трех словах, два из них, скорее всего, были бы «книжный червь». Третьим могло быть «умный» или, может быть, «слишком добрый». Но совершенно точно – книжный червь. Толстый добрый ботаник, никогда не пьющий алкоголь, любящий математику, классическую музыку,

кроссворды и шахматы. Может, немного скучный, но отличный следователь и справедливый начальник. Он никогда не ходил пить пиво вместе со всеми и ни разу не встречался с женщиной с тех пор, как жена ушла от него к учителю из Хурума. Мунк был в отпуске два месяца в году, и ему никогда не приходилось вставать посреди ночи, не зная, куда ему нужно ехать. Ни у кого не было такого высокого процента раскрываемости дел, как у Холгера. Все знали и любили его. И тем не менее он вернулся в Хёнефосс.

Я не понижаю, а повышаю тебя. Можешь радоваться, что у тебя все еще есть работа.

В тот день в офисе Миккельсона в Грёнланд он чуть было не уволился, но передумал. А что ему оставалось делать? Стать охранником?

Холгер Мунк сел обратно в машину и поехал по шоссе Е6 в сторону Тронхейма. Снова закурил и последовал в объезд города, на юг. В машине был GPS-навигатор, но Мунк не стал включать его. Он и так знал дорогу.

Миа Крюгер.

Он с теплом подумал о своей старой коллеге, когда зазвонил телефон.

– Мунк слушает.

– Где тебя носит?

На том конце Миккельсон, возбужденный, как всегда на грани сердечного приступа. Как этот человек пережил десять лет в кресле начальника, оставалось загадкой для многих.

– Я в машине, а тебя где носит? – сухо ответил Мунк.

– Где конкретно? Ты уже доехал?

– Нет, не доехал, я только что приземлился, я думаю, ты в курсе. Что тебе нужно?

– Я просто хотел проверить, что ты сделал то, о чем мы договорились.

– У меня с собой папка, и я думал отдать ее, если ты об этом, – вздохнул Мунк. – Неужели было так необходимо посылать меня сюда за этим? Почему не послать почтой? Можно было использовать местную полицию.

– Ты прекрасно знаешь, почему ты там, – ответил Миккельсон. – И я хочу, чтобы ты сделал то, о чем я тебя попросил.

– Во-первых, – Мунк вздохнул и выбросил бычок в окно, – я тебе ничего не должен. Во-вторых, я тебе ничего не должен. В-третьих, на тебе ответственность за то, что я больше не могу использовать свои мозги по назначению, так что можешь просто заткнуться. Знаешь, над чем я теперь работаю? Хочешь услышать, Миккельсон? Хочешь?

На том конце повисла тишина. Мунк посмеялся про себя.

Если и было что-то, что Миккельсон терпеть не мог, так это просить об услуге. Мунк знал, что сейчас Миккельсон раздражен, и радовался, что в этот раз старому шефу не удастся получить все, что он хочет, и придется передумать.

– Просто пусть это будет сделано.

– Есть, сэр, – Мунк отдал честь в машине.

– И нечего иронизировать, Мунк, перезвони мне, когда что-то появится.

– Хорошо. Ах да, еще кое-что.

– Что? – прорычал Миккельсон.

– Если она согласится, я снова переведусь в Осло. Больше никакого Хёнефосса. И я хочу обратно свой офис на Марибуэсгате. И свою старую команду.

Миккельсон замолчал на мгновение.

– Об этом даже речи быть не может, Мунк. Это совершенно ни к чему. Это...

Мунк улыбнулся и положил трубку прежде, чем Миккельсон закончил говорить. Зажег новую сигарету, снова включил радио и повернул в сторону Оркангеру.

4

Миа Крюгер уснула на диване, рядом с камином, завернувшись в плед. Она видела во сне Сигрид и проснулась с ощущением, что ее сестра-близняшка все еще рядом. Рядом с ней. Живая. Они вместе, как и было всегда. Сигрид и Миа. Миа и Сигрид. Как два стебелька из Огсгордстранда, родившиеся с разницей в две минуты, одна светлая, другая темная, такие разные – и тем не менее такие похожие.

Миа хотела вернуться в сон, к своей Сигрид, но заставила себя встать и пойти на кухню. Немного поесть. Чтобы алкоголь не вышел обратно. Продолжая в том же духе, она могла умереть раньше времени, а это было совершенно не нужно.

18 апреля.

Осталось десять дней.

Нужно было продержаться еще десять дней. Миа заставила себя съесть два хлебца, подумала о стакане молока, но решила выпить воды. Два стакана воды и две таблетки. Из кармана штанов. Неважно какие. Сегодня – белая и голубая.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979. Умерла 18 апреля 2002.

Помним, любим, скорбим.

Миа Крюгер снова села на диван и стала ждать, когда таблетки подействуют. Ее тело онемело. Перегородка между ней и миром. Именно то, что ей сейчас нужно. Она не смотрела на себя три недели, и пришло время расплатиться за это. Душ. Ванная на втором этаже. Она избегала этого столько, сколько было возможно, – не хотела видеть себя в большом зеркале, которое предыдущий владелец дома повесил прямо за дверью ванной. Хотела даже найти отвертку. Убрать это убожество. Она чувствовала себя довольно плохо. Не хотела это признавать, но сил не было. Ни на что. Только таблетки. И алкоголь. Валиум, растекающийся по венам, маленькие улыбки в крови, сладостная защита от всех иголок, плававших внутри нее так долго. Она взяла себя в руки и поднялась по лестнице. Открыла дверь в ванную и была поражена увиденным в зеркале отражением. Это была не она. Кто-то другой. Миа Крюгер всегда была худой, но сейчас она выглядела больной. Она всегда была здоровой. Всегда сильной. А теперь от нее почти ничего не осталось. Сняв свитер и джинсы, она осталась перед зеркалом в одном нижнем белье. Трусы висели на ней мешком. Вся масса с живота и бедер исчезла. Она аккуратно провела рукой по торчащим ребрам, ощутила их, посчитала. Заставила себя подойти ближе, вплотную, поймала собственный взгляд в ржавом серебре. Все всегда хвалили ее голубые глаза. Однажды ей кто-то сказал: «Ни у кого нет таких норвежских глаз, как у тебя, Миа». Она до сих пор помнила, как гордилась ими, норвежскими глазами, – это так красиво звучало. В какой-то момент ей даже не хотелось ничего менять в себе. Сигрид всегда была красивее нее – может быть, поэтому было так приятно слышать комплименты о глазах? Живые голубые глаза. Теперь от них мало что осталось. Они уже выглядели мертвыми. Без блеска и жизни, красные. Миа наклонилась к своим джинсам, достала две таблетки из кармана и проглотила их, не запивая. Снова встала перед зеркалом и попыталась выпрямить спину.

«Мой маленький индеец» – так обычно называла ее бабушка. Она вполне была похожа на индейца, кроме голубых глаз. Индеец. Из племени киова, или сиу, или апачей. Она обожала индейцев с детства и всегда была на их стороне. Ковбои плохие, а индейцы хорошие. Как твои дела сегодня, Миа Лунный Свет? Миа положила руку на свое отражение в зеркале и послала бабушке дружеский привет. Продолжая стоять, она посмотрела на свои длинные волосы. Мягкие угольно-черные волосы ниспадали на хрупкие плечи. Давно у нее не было таких длинных волос. Она начала коротко стричься еще в полицейской академии. Без всяких парикмахеров, дома, сама, просто брала ножницы и состригала. Чтобы показать, что ее не волновал ее внешний вид. Не волновала показуха. Она и косметикой не пользовалась. «Ты красива от природы, мой маленький индеец, – говорила бабушка, когда они сидели у камина дома в Осгордстранде. – Посмотри, какие у тебя красивые веки, какие прекрасные длинные ресницы!

Видишь, что природа уже тебя украсила? Не переживай ни о чем. Мы украшаемся не для мальчиков. Они появятся, когда придет время». С бабушкой она была индейцем. А в школе – норвежкой. Идеальное сочетание. Вдруг ее бросило в жар – не все же мир и спокойствие от таблеток, иногда такое случается, ведь она никогда не следила, что с чем смешивала. Миа оперлась на стену одной рукой, пока ей не стало чуть лучше, потом снова подняла взгляд, заставив себя постоять перед зеркалом еще немного. Посмотреть на себя. В последний раз.

Еще 10 дней.

18 апреля.

Она не особо размышляла о том, как это случится. Последнее мгновение. Будет ли больно. Будет ли трудно сделать последний шаг. Она не верила во все эти истории о том, как жизнь проносится перед глазами. Или, может, так и бывает? Это не очень-то важно. Вся история жизни Мии была видна в ее теле. Она видела жизнь в отражении зеркала. Индеец с норвежскими глазами. Длинные черные волосы, которые раньше всегда были коротко острижены, а теперь волнами спадали на ее худые плечи. Она убрала их за ухо и присмотрелась к шраму около левого глаза. Трехсантиметровая отметина, которая никогда не исчезнет. Подозреваемый в убийстве на допросе. Молодая девушка из Латвии найдена в реке Акерсэльва. Миа проявила слабость и невнимательность, не увидев ножа, но, к счастью, успела увернуться, иначе осталась бы слепой. Она ходила с повязкой на обоих глазах несколько месяцев – спасибо врачам больницы Уллевол, что сохранили зрение. Миа подняла левую руку перед зеркалом – на одном пальце не хватает фаланги. Еще один подозреваемый, небольшая ферма около Мосса, он выпустил вперед собаку. Берегись собаки. Ротвейлер метил вцепиться горло, но она успела выставить вперед руку. Она все еще чувствовала его зубы и панику, овладевшую ею, пока она не достала пистолет из кобуры и не застрелила разъяренную псину. Миа опустила глаза вниз, на татуировку в виде маленькой бабочки на бедре около резинки трусов. Это было в Праге, и ей было девятнадцать. Она познакомилась с одним испанцем, флиртовала с ним, они напились «Бехеровки», а наутро проснулись каждый со своей татуировкой. У нее была фиолетово-желтая с зелеными крапинками бабочка. Миа слабо улыбнулась. Сколько раз она хотела ее свести, забыть об идиотском юношеском поступке, но так и не сделала этого. А теперь это уже не имело никакого значения. Она погладила небольшой серебряный браслет на правой руке. Ей и Сигрид подарили по такому браслету на конфирмацию. Детский браслетик, с сердечком.

И буквой. М на ее браслете и С – для Сигрид. В тот вечер, когда праздник закончился и гости разошлись, они сидели в своей комнате в Осгордстранде, и тут Сигрид вдруг предложила поменяться.

Давай ты возьмешь мой, а я твой?

С того дня Миа никогда не снимала этот серебряный браслет.

Таблетки уносили ее все дальше, она уже почти не видела себя в зеркале. Тело ее стало похоже на далекое привидение. Шрам около глаза, отсутствующая фаланга на пальце. Чешская татуировка с бабочкой. Худые руки и ноги. Индианка с грустными голубыми почти неживыми глазами. Больше она была не в силах смотреть на все это, отвела взгляд и проскользнула в душ. Там она стояла под теплой водой так долго, что под конец она стала ледяной.

Она уклонилась от зеркала на выходе из ванной. Голой спустилась в гостиную и вытерлась перед незажженным камином. Зашла на кухню и налила себе новую порцию. Нашла новые таблетки в ящике. Впихнула их в себя, пока одевалась. Еще больше захотелось спать. Чиста снаружи, и скоро будет чиста изнутри.

Миа надела шапку и куртку и вышла из дома. Снова спустилась к морю. Села на камень и позволила глазам отдохнуть, глядя на горизонт. Какое пошлое клише... Откуда у нее взялось это? А, точно, это был фестиваль, фестиваль антинорвежских фильмов. Его организовали известные люди, считавшие, что норвежское кино нужно изменить. Мии очень понравился фильм, но она не была уверена, что норвежское кино изменится от того, что из него уберут эмоциональные сцены и море. Каждый раз, когда кто-то пытался изобразить полицейского в фильме, она так расстраивалась, что уходила из кинотеатра, сочувствуя бедному актеру, которому достались эти реплики и такой режиссер, что в итоге все вышло безвкусно. Нет, пусть будет больше сцен у моря. Миа Крюгер улыбнулась про себя и сделала глоток из бутылки. Как уже говорилось, если бы она не приехала сюда умирать, то вполне могла бы остаться здесь жить.

18 апреля.

Эта дата однажды внезапно пришла ей на ум, и с тех пор все наладилось. Сигрид нашли мертвой 18 апреля 2002 года, в подвале района Тёйен в Осло, на гнилом матрасе, все еще с иглой в руке. Она даже не ослабила ремешок.

Скончалась от передозировки. Через десять дней будет ровно десять лет, как это случилось. Маленькая милая красавица Сигрид умерла от передозировки героина в грязном подвале. Всего через неделю после того, как Миа сама забрала ее из реабилитационной клиники в Валдресе.

О, в тот день Сигрид выглядела прекрасно. После четырех недель на свежем воздухе к ней вернулись румянец на щеках и смех. Они ехали в машине в Осло почти как раньше, смеялись и шутили вместе, прямо как в саду дома в Осгордстранде.

– Ты Белоснежка, а я Спящая красавица.

– Но я тоже хочу быть Спящей красавицей, почему я все время Белоснежка?

– Потому что у тебя темные волосы, Миа.

– Ах, поэтому?

– Да, поэтому. Ты раньше этого не понимала?

– Нет.

– Ты глупышка.

– Это же неправда?

– Да, неправда.

– Почему мы должны играть в Белоснежку и Спящую красавицу, ведь мы обе должны спать сто лет и ждать принца, это совсем не весело, и никого не будет рядом.

– О, он обязательно придет, вот увидишь, Миа, он придет.

В случае Сигрид принцем стал идиот из Хортена. Он посвятил себя музыке, у него даже была своя группа музыкантов, которые никогда не играли, а только

сидели в парке, курили гашиш, иногда глотали спиды или кололись. Чертов тощий надутый неудачник. Миа не могла даже произнести его имени, от одной мысли о нем ее бросало в жар и перехватывало дыхание. Она пошла тропинкой вдоль скал, мимо лодочной пристани и присела на набережной. Там, в центре страны, она видела суету. Люди, которые занимались своими «людскими» делами. Сколько сейчас времени? Она прикрыла глаза рукой и взглянула на небо. Попробовала угадать – двенадцать или час, судя по солнцу. Сделала глоток из бутылки и ощутила эффект от таблеток, почувствовала, как они забирали ее чувства, делали ее равнодушной. Она свесила ноги с берега и повернула лицо к солнцу.

Маркус Скуг.

Сигрид было восемнадцать, этому идиоту двадцать два. Он переехал в Осло и стал зависать на Плата[2 - Народное название места около центральной железнодорожной станции Осло, где собираются наркоманы.]. Несколько месяцев спустя к нему присоединилась Сигрид.

Четыре недели реабилитации. Миа забирала сестру из клиники уже не в первый раз, но теперь все было иначе. Абсолютно новая мотивация. Не та улыбка наркоманки и бесконечная ложь, только чтобы поскорее выйти из клиники и получить новую дозу – нет, что-то новое появилось во взгляде Сигрид. Она выглядела уверенней, стала похожа на саму себя.

Миа так много думала о сестре за все эти годы, что чуть голову не сломала. Почему именно Сигрид? Потому что ей было скучно? Из-за мамы и папы? Только из-за этого чертова идиота? Типа, любовь?

Мама бывала строгой, но по делу. Папа бывал слишком добрым, но разве это имеет значение? Ева и Кюрре Крюгер удочерили близнецов сразу после их рождения. Это было заранее оговорено с матерью, та была молода, одинока, не могла и не хотела их растить. А для бездетной пары это был подарок с небес. Девочки были именно такими, о каких они мечтали, это было настоящее счастье.

Мама была учителем в школе Осгортстранда, у папы, торговца красками, был свой магазин в центре Хортена. Миа продолжала и продолжала искать семейные причины, которые могли объяснить, почему же Сигрид закончила свою жизнь наркоманкой, но так ничего и не нашла.

Маркус Скуг.

Это была его вина.

Всего через неделю после приезда домой из Валдреса. Им было так хорошо вместе в квартире на Вогтсгате. Сигрид и Миа. Белоснежка и Спящая красавица. Снова как стебельки одного растения. Миа даже взяла несколько отгулов на работе, первый раз за бог знает сколько времени. И вот, однажды вечером она нашла записку на столе.

Мне нужно поговорить с М.

Скоро вернусь. С.

Миа Крюгер поднялась на ноги и поплелась к дому. Ее уже немного шатало. Пока принять еще пару таблеток. И выпить.

5

Холгер Мунк устал за рулем и свернул с дороги, чтобы передохнуть. Он поставил машину на обочине и вышел размять ноги. Осталось ехать не так долго, всего несколько километров до тоннеля Хитра, но спешить было некуда. Человек, который перевезет его на лодке через фьорд, почему-то был свободен только после двух – Холгер не стал уточнять почему. Местная полиция никогда никуда не торопилась. У Мунка не было предрассудков о полиции в регионах, но он привык к совершенно другому темпу в Осло. Конечно, теперь в Хёнефоссе все иначе, но отделение Рингерике было уж точно не самым загруженным в стране. Мунк тихо выругался и с ненавистью подумал о Миккельсоне. Внутренние расследования, и что-то должно случиться после, он знал это, но тем не менее.

Мунк сел на лавку и закурил новую сигарету. В этом году весна рано пришла в Трёнделаг. Деревья тут и там уже зазеленели, а снег почти весь растаял. Не то что бы он знал, когда обычно приходит весна в Трёнделаг – он слышал об этом по местному радио, переключив с музыки на новости. Или им все еще удавалось держать известие в тайне, или какой-нибудь идиот из Грёнланда приберег его

для жадного до сенсаций журналиста с толстым кошельком, но, к счастью, пока ничего. Ни слова о маленькой девочке, которую нашли повешенной в Маридалене.

Телефон звонил и пищал всю поездку, но Холгер не отвечал. Не хотел звонить или набирать смс в машине. Он расследовал множество дел, когда люди попадали в аварии, отвлекаясь на секунду. И потом, не было ничего срочного. Так хорошо немного побыть одному. Он не хотел признаваться в этом самому себе, но порой было тяжело. Вся эта работа. Еще и домашние дела. Он не имел ничего против того, чтобы навещать свою мать в доме престарелых. Или чтобы помогать дочери с приготовлениями к свадьбе. Или чтобы проводить время с Марион, маленькой внучкой, которой только недавно исполнилось шесть. Но все равно, было что-то лишнее.

Он и Марианне. Он словно никогда и не думал, что их отношения могут быть другими. И даже теперь, спустя десять лет, он чувствовал, что что-то в нем сломалось так, что больше уже не починится.

Мунк отбросил от себя эти мысли и проверил телефон. Еще два неотвеченных от Миккельсона, понятно насчет чего, перезванивать не было нужды. Еще одно сообщение от Мириам, его дочери, как всегда, короткое и безличное. Несколько звонков от Марианне, бывшей жены. Вот черт, он забыл позвонить в дом престарелых. Ведь сегодня среда. Он должен был сделать это еще до того, как сел в машину. Нашел номер, встал и немного потянулся.

– Дом престарелых Хёвиквейен, добрый день, меня зовут Карен, чем могу помочь?

– Здравствуйте, Карен, это Холгер Мунк.

– Добрый день, Холгер, как ваши дела? – ответил мягкий голос на другом конце, Мунк покраснел, он ожидал услышать голос постарше.

Боже, Холгер, новый свитер? Боже, Холгер, новая куртка? Боже, Холгер, ты сбрил бороду?

– Вполне неплохо, – ответил Мунк. – Но, к сожалению, я должен попросить вас еще об одной услуге.

– Конечно же, Холгер, о чем речь, – рассмеялась женщина в трубке.

Они были шапочно знакомы уже пару лет. Карен. Одна из сотрудниц дома престарелых, где его мать сначала отказывалась жить, но теперь успокоилась.

– Снова среда, – вздохнул Мунк.

– И вы не успеете?

– К сожалению, нет, – ответил Мунк. – Я в отъезде.

– Понимаю, – сказала Карен со смешком. – Я узнаю, сможет ли кто-то отвезти ее, если нет, закажу такси.

– Я заплачу за него, естественно, – быстро ответил Мунк.

– Никаких проблем.

– Большое спасибо, Карен.

– Рада помочь. Холгер, а в следующую среду вы успеете?

– Да, должен успеть.

– Хорошо, тогда увидимся в среду?

– Да, скорее всего, – сказал Мунк. – Еще раз спасибо и передавайте ей привет от меня.

– Передам.

Мунк положил трубку и снова присел на лавку.

Почему бы не пригласить ее куда-нибудь? Что страшного может случиться? На чашку кофе? В кино?

Он быстро отбросил эту мысль, когда на телефон пришел мейл. Мунку не нравилось, что в этих новых телефонах все собрано в одном месте – никакого покоя. Правда, на этот раз полученное сообщение его обрадовало. Открыв почту, он улыбнулся и прочел новую задачку от Юрия из Белоруссии, с которым Мунк познакомился несколько лет назад в интернете. На форум math2.org собирались все ботаники мира. Юрий – профессор из Минска, шестидесяти с чем-то лет. Холгер не решился бы назвать его другом, ведь он никогда не видел его вживую, но они часто обменивались письмами и поддерживали спорадическую связь. Обсуждали шахматы и иногда устраивали общие разминки мозга, примерно как сейчас.

Вода затекает в бак. Объем воды увеличивается в два раза каждую минуту. Бак наполняется за час. Сколько времени потребуется, чтобы наполнить бак наполовину? Ю.

Мунк зажег новую сигарету и подумал немного, прежде чем ответить. Забавно. Ему нравился Юрий. Холгер даже подумывал съездить навестить его. Он никогда не был в Белоруссии, почему бы не встретиться с человеком из интернета? У него было много знакомых с форума: mrmischigan40 из США, margrete_08 из Швеции, Birrrdman из Южной Африки. Любители шахмат и математики, но прежде всего – такие же люди, как он, почему бы и нет? Съездить, познакомиться с новыми людьми, должно же получиться? Не слишком ли он стар? И когда он последний раз выезжал куда-то? Он увидел свое отражение в экране телефона и положил его на лавку перед собой.

Пятьдесят четыре. Он не ощущал себя на этот возраст. Ему казалось, он много старше. Он постарел лет на десять только в тот день, когда Марианне рассказала ему про учителя из Хурума. Он пытался отнестись к этому спокойно. Он даже понимал это глубоко внутри себя. Долгие дни на работе вместе с общим ощущением отсутствия даже в те редкие дни, когда он бывал дома. В конце концов, это должно было привести к каким-то последствиям, но почему сейчас, вот таким образом? Она была абсолютно расслаблена, как будто подготовилась к этой речи заранее. Они встретились на занятиях. Потом общались. Чувства росли. Они встречались несколько раз тайком, но она больше не хочет скрывать. Мунк не смог сдержаться. Мунк, который, никогда ни на кого не поднимал руки, швырнул тарелку об стену. Кричал и бегал за ней по дому. Ему до сих пор стыдно. Мириам в слезах выбежала из своей комнаты. Тогда ей было

пятнадцать, сейчас двадцать пять, и она выходит замуж. Пятнадцать лет, и на стороне своей матери. Неудивительно. Сколько времени он был дома с ними за все эти годы?

Ему не хотелось отвечать на сообщение Мириам, такое холодное и краткое, как символ их отношений. Теперь еще нужно думать и об этом, как будто папки, лежавшей у него в машине, было недостаточно.

Сможешь добавить еще пару тысяч? Мы решили пригласить племянников. М.

Свадьба. «Конечно», – написал он и добавил смайлик, но сразу же удалил его. Он смотрел, как сообщение отправляется, и думал о Марион, своей внучке. Мириам сказала ему сразу после родов, что все еще не уверена, заслужил ли он общение с малышкой. К счастью, она передумала. Теперь он ждал встреч с Марион больше всего. Время, проведенное с ней, было лучом света в той темноте, которая окружала его после переезда в Хёнефосс.

После развода он оставил дом Марианне. Это было единственно верным решением, чтобы избавить Мириам от переезда прочь от школы, друзей и гандбола. Он же купил себе маленькую квартиру на Бислетт, рядом с работой. После переезда он сохранил квартиру и сейчас жил в небольшой однушке на Рингвейен, недалеко от отделения полиции Хёнефосса. Все еще с неразобранными коробками вещей. Он взял с собой немного, ожидая скорого возвращения в столицу, когда закончит дело, но теперь, спустя два года, он так и продолжал жить, не распаковывая вещи, не чувствуя себя дома ни там, ни тут.

Прекрати себя жалеть. Полно людей, которым намного хуже.

Мунк затушил сигарету и переместил мысли в папку, лежавшую в машине. Шестилетняя девочка найдена повешенной на дереве в Маридалене случайным прохожим. Давненько он не видел таких дел. Неудивительно, что они бились над этим в Грёнланде.

Он снова взял телефон и отправил Юрию ответ.

Мунк не хотел признавать, но от этой папки у него по спине бежали мурашки. Он завел машину, повернул обратно на шоссе и поехал на восток к Хитра.

6

Человек с татуировкой орла на шее надел свитер с высоким горлом по такому случаю. В прежние времена ему нравился центральный вокзал Осло, толкучка была идеальным местом для человека его профессии. Но теперь везде поставили камер слежения, и спрятаться практически нигде. Уже давно он переносит свои встречи и операции на другие площадки: кинозалы, закусочные – в общем, те места, где легко остаться незамеченным, если, конечно, операция не крупная. Он давно не работал в больших масштабах, но все равно, лучше соблюдать осторожность.

Человек с татуировкой орла на шее надвинул шапку на лицо и вошел в здание вокзала. Место выбрал не он, но сумма была настолько велика, что он просто последовал указанию. Он понятия не имел, как покупатель нашел его, просто получил ММС с фотографией, заданием и суммой. И сделал все как обычно, хорошо и без лишних вопросов. Без сомнения, это странное задание, он ни разу не делал ничего подобного, но, как уже было сказано, за все годы работы он хорошо научился одному – никогда не спрашивать, а просто выполнять работу и получать плату. Так он и справлялся со всем и все еще имел вес в том, теневом мире. Хотя заданий было все меньше, а суммы все скромнее, но иногда случалось и дело покрупнее, на котором можно неплохо заработать. Такое, как это. Станный запрос, очень необычный, но хорошо оплачиваемый, и это было именно то, что нужно, – получить деньги.

Костюмный пиджак, хорошие брюки, светлые ботинки, дипломат, свитер с горлом и даже пара фальшивых очков. Человек с татуировкой орла выглядел полной противоположностью самому себе, в этом и был смысл. С его профессией никогда не знаешь, когда появится полиция и проведет обыск, поэтому лучше обезопасить себя. Он выглядел, как бухгалтер или любой другой офисный служащий. Хотя в это и трудно поверить, человек с татуировкой орла был

довольно тщеславен. Ему не хотелось, чтобы его приняли за какого-то выпендрейника из элиты. Ему нравился его грубый вид, татуировки и кожаная куртка. В этих же брюках было тяжело ходить, и он чувствовал себя идиотом. Сковывающий движение пиджак и дурацкие блестящие ботинки. Сейчас так должно быть. Сумма, ждавшая его в одной из камер хранения, того стоила. На все сто процентов. Он был на мели вот уже некоторое время, и деньги были нужны. Праздник – вот что он себе устроит. Улыбнувшись про себя, он спокойно прошел через вокзал.

Первое сообщение пришло около года назад, и с тех пор было еще несколько. ММС с фото и суммой. Сначала он подумал, что это какая-то шутка, настолько странным и особенным был запрос, но он все равно выполнил его. И получил оплату. Так же и в следующий раз. И еще раз. Каждый раз было одно и то же.

Он остановился у киоска «Нарвесен», купил газету и пару пачек сигарет. Самый обычный день по пути с работы домой. Ничего примечательного в этом бухгалтере. Он положил газету под мышку и прошел дальше к камерам хранения. Встал около входа и набрал сообщение:

Я на месте

Немного подождал ответа. Как обычно, он пришел быстро. Номер камеры хранения и код доступа. Он осторожно огляделся пару раз, прежде чем спуститься к ячейкам и найти нужную. Удобное новшество вокзала Осло – больше никаких ключей из рук в руки. Все, что нужно, – это код. Человек с татуировкой орла набрал цифры на клавиатуре и услышал звук открывшейся ячейки. Как всегда, там лежал коричневый конверт. Он вынул его и попытался не осматриваться, вести себя наименее подозрительно перед камерами наблюдения. Открыл дипломат и быстро убрал в него конверт. Он с улыбкой заметил, что на этот раз конверт был много толще. Последнее задание. Пора получить окончательную оплату. Он отошел от камер хранения, поднялся наверх через холл, зашел в «Бургер Кинг» и заперся в туалете. Он открыл дипломат и достал конверт, уже не в состоянии терпеть. Увидев, что внутри, он ухмыльнулся про себя. Там лежала не только оговоренная сумма денег, в купюрах по двести крон, как он всегда просил, но и небольшой пакетик белого порошка. Человек с татуировкой орла открыл пакетик, аккуратно попробовал содержимое и улыбнулся еще шире. Он понятия не имел, кто давал ему эти

задания, но он явно имел связи и был информирован. Те, кто был знаком с нашим героем, знали о его пристрастии к порошку.

Он отправил привычное сообщение:

ОК. Спасибо

Обычно он не благодарил, это ведь чистый бизнес и ничего личного, но в этот раз решил отправить, за повышенную плату и все такое. Через несколько секунд пришел ответ:

Развлекайся.

Человек с татуировкой орла с улыбкой убрал конверт в дипломат и пошел обратно в здание вокзала.

7

Миа Крюгер сидела на камне у берега, в белой шапке поверх вороных волос, укутавшись в плед. Была середина дня. В аптеке она услышала, как кто-то говорил, что весна в Трёнделаг в этом году пришла рано, но Мии все еще было холодно, и она не ощутила тепла, о котором говорили.

Осталось шесть дней. Шесть клеточек в календаре на кухне. Она почувствовала нетерпение.

Смерть не так страшна.

В последнее время это все прочней укоренялось в ее голове. Сохранять спокойствие. Знать, что скоро ее не станет. Она нашла пару таблеток в кармане куртки и запила их водой из бутылки. Миа улыбнулась про себя и посмотрела

вдаль на море. Рыболовное судно скользило мимо вдоль горизонта. Апрельское солнце раскрашивало облака, отражаясь в воде около берега. В последние дни она много думала. О своих близких или о тех, кто ими был. Теперь осталась только она, а скоро и ее не станет. На этой планете. В этой реальности, как сказала бы бабушка. Миа улыбнулась и сделала еще глоток.

Сигрид всегда была всеобщей любимицей. Сигрид со светлыми длинными волосами. Умница в школе. Играла на флейте и в гандбол и дружила со всеми. Миа никогда не имела ничего против внимания, которое получала Сигрид. Сигрид никогда не использовала это внимание в дурных целях, ни разу не сказала плохого слова кому-либо или о чем-либо. Сигрид была просто-напросто невероятной. Но было очень здорово, когда бабушка отводила Мию в сторону и говорила, что та особенная:

Ты совершенно особенная, понимаешь? Другие дети тоже хорошие, но ты все знаешь, Миа, не правда ли? Ты видишь то, что другие не замечают.

Хотя бабушка и не была ей родной, Миа всегда чувствовала, что у них есть что-то общее. Какая-то связь. Может потому, что они были похожи внешне. Или потому что бабушка относилась к ней почти как к другу, сообщнику в том, чтобы быть другими. Бабушка рассказывала Мие все возможное о своей жизни, всегда называя вещи своими именами. Что у нее было много мужчин, и что их не стоит бояться – мужчины на самом деле как маленькие безобидные кролики. И что она может предсказывать будущее, что существуют другие реальности, поэтому не нужно бояться смерти. Это все христианство, говорила бабушка, трактует смерть как нечто отрицательное, чтобы мы ходили и боялись их бога, смерть – это ад или рай, но в любом случае конец всего, по их мнению. Но знаешь что, Миа, бабушка не уверена в том, что смерть – это конец всего. Во всяком случае, я ее не боюсь.

Дома в Осгордстранде злые языки прозвали бабушку ведьмой, но ее это мало беспокоило. Миа прекрасно понимала, что люди имели в виду: седые волосы вместе с сине-черными глазами делали бабушку непохожей на других. Она часто громко говорила в магазине о странных вещах или сидела в саду всю ночь, смотря на луну и смеясь сама с собой. Она умела делать то, что в Средневековье называли бы ведьмиными проделками, и взяла Мию к себе как свою маленькую ученицу.

Миа чувствовала, что ей повезло. Она выросла в спокойном окружении. С доброй мамой и замечательным папой, и с бабушкой, живущей в нескольких домах от них. С бабушкой, которая видела ее по-настоящему и называла ее особенной.

Легкой походкой, Миа, помни, легкой походкой.

Последние перед смертью слова бабушка сказала, подмигнув своему особенному другу. Миа подняла бутылку к облакам.

Смерть не страшна.

Осталось шесть дней.

От таблеток ее начало клонить в сон. Миа Крюгер приняла еще несколько и прилегла на камень.

Ты совершенно особенная, Миа, понимаешь?

Может, поэтому она и выбрала полицейскую академию? Чтобы делать что-то абсолютно иное? Она думала и об этом в последние дни: почему она сделала такой выбор? Но пазл уже не складывался до конца. Время сдвинулось. В ее голове все изменилось. Сигрид уже больше не была той маленькой светлой Сигрид, она стала наркоманкой Сигрид, настоящим кошмаром. Мама и папа как будто умерли внутри, были удалены из мира, друг от друга, от нее. Миа переехала в город, попыталась взять пару курсов в Блиндерне[3 - Район, где располагается университет Осло.], без энтузиазма, она даже не смогла прийти на экзамен. Может быть, это полицейская академия выбрала ее? Чтобы она очистила мир от таких, как Маркус Скуг?

Миа встала и, пошатываясь, пошла по набережной. Осушила бутылку и положила ее в карман куртки. Нашла еще пару таблеток и приняла их без запивки. Место чаек занял рыбацкий корабль, и единственным звуком остался спокойный шум волн.

Она выстрелила в него.

В Маркуса Скуга.

Два раза. Прямо в грудь.

Все произошло по чистой случайности. Они были на другом деле. Пропала девочка, и специальный отдел позвали все разнюхать. Как говорил Холгер, у нас не так много на повестке дня, Миа, поэтому пойдем, разнюхаем это дело.

Холгер Мунк. Миа с теплотой подумала о своем старом коллеге и уселась на край набережной, свесив ноги к воде. Все было так странно. Она убила человека, но не мучилась угрызениями совести. Совесть больше мучила ее из-за всего того, что случилось после. Грёнланд, Холгер Мунк, руководивший отделом, взявший ее из полицейской академии на работу, был переведен на другой участок. Специальный отдел закрыли. В глубине души она чувствовала, что это причинило боль – Холгер заплатил за то, что сделала она. Но само убийство не вызывало у нее беспокойства. Они шли по следу к озеру Трюванн, несколько джанки или хиппи – их всегда трудно отличить по телефону – так или иначе, кто-то припарковал свой трейлер, шумел и что-то праздновал. Холгер считал, что в этом месте нужно поискать пропавшую девочку. И они на самом деле нашли девочку, хоть и не ту, с бесцветными глазами и с иглой в руке, в этом грязном трейлере. А вместе с ней как из ниоткуда появился Маркус Скуг. И Миа, как справедливо записали во внутреннем отчете расследования, действовала непреднамеренно, превысила полномочия, без необходимости.

Миа затрясла головой от своей аморальности. Холгер Мунк был на ее стороне и сказал, что Скуг напал на нее первым, кроме того, на месте были найдены нож и топор. Но Миа знала, как все произошло на самом деле. Конечно же, она была достаточно тренирована, чтобы выстоять против ножа или топора в руках тощего джанки. Она могла выстрелить ему в ногу. В руку. Но не сделала этого. Она убила его. Мгновенная ненависть, когда весь остальной мир просто исчез для нее. Два выстрела прямо в грудь.

Если бы не Холгер Мунк, ее бы посадили. Она достала пустую бутылку из куртки, вылила в себя последние капли и снова подняла ее к облакам. Это уже не имеет никакого значения. Теперь все закончилось.

Наконец-то.

Осталось шесть дней.

Она поджала ноги, прислонилась щекой к грубой доске набережной и закрыла глаза.

8

Тобиас Иверсен закрыл брату уши руками, чтобы тот не слышал шум с первого этажа. Обычно шуметь начинали в это время дня, когда мама приходила с работы и обнаруживала, что отчим не сделал то, что его просили. Приготовить еду для мальчиков. Убраться в доме. Найти работу. Тобиас не хотел, чтобы младший брат слышал все это, и придумал игру.

Я закрываю тебе уши, а ты говоришь то, что видишь в своей голове, хорошо?

– Красный грузовик с пламенем, – улыбнулся братик, а Тобиас кивнул и улыбнулся в ответ – давай, продолжай.

– Рыцарь борется с драконом, – засмеялся братик, и Тобиас снова кивнул.

Шум снизу усиливался. Крики заползали наверх по стенам и под кожу. Тобиас не мог вынести, что последует за этим – они будут кидать предметы об стены и кричать еще громче, а может и чего похуже. Поэтому он решил взять брата на улицу. Он сказал ему на ухо:

– Пойдем, постреляем буйволов?

Братишка улыбнулся и с готовностью закивал.

Стрелять буйволов. Бегать по лесу и играть в индейцев. Ему очень хотелось. Здесь было не так уж и много других детей, поэтому Тобиас с братом привыкли проводить время вместе, несмотря на то, что Тобиасу тринадцать, а брату семь. В доме не получалось быть подолгу, поэтому в основном они гуляли на улице.

Тобиас помог брату надеть куртку и ботинки, напевая и притоптывая по лестнице, ведущей на выход. Братишка посмотрел на него своими большими глазами. Он привык, что брат все время подшучивал над ним, издавая эти

странные звуки, и считал это классным. Он очень любил старшего брата и обожал участвовать во всяких странных затеях, которые тот придумывал.

Тобиас зашел в сарай, взял кусочек веревки и ножик, а младший брат побежал вперед в сторону леса. У них там было секретное место, поэтому отпускать его вперед было неопасно, и он мог бежать по поляне среди елей, к временной хижине, которую они смастерили вместе.

Когда они пришли к ней, брат сразу же уселся на старый матрас, нашел комикс и стал рассматривать картинки вместе с красивыми новыми буквами и словами, которые, приложив немало усилий и с помощью старшего брата, он начал читать.

Тобиас достал нож, нашел подходящую ивовую лозу, срезал ее у корня и очистил от коры в середине. Там будет ручка. Хвататься удобнее, когда снимешь кору и дашь дереву немного подсохнуть. Он разложил иву на коленях и прикрепил веревку к ее концам. Отложив готовый лук, он пошел поискать материал для стрел. Это не обязательно должна быть ива, подойдет любое дерево, кроме ели – у нее слишком хрупкие ветки. Тобиас вернулся с ветками, прямыми и тонкими, и стал очищать их от коры. Скоро рядом с ним уже лежали четыре готовые стрелы.

– Тобиас, что тут написано?

Брат плелся назад к хижине, держа перед собой журнал.

– Криптонит, – объяснил Тобиас.

– Супермен его не переносит, – кивнул брат.

– Совершенно верно, – ответил Тобиас и вытер брату нос рукавом свитера.

– Думаешь, этот хорошо получится?

Тобиас встал и приставил стрелу к луку. Натянул веревку и выпустил стрелу вперед между елей.

– Круто, – завизжал братишка. – Сделаешь еще один для меня?

– Этот и есть для тебя, – подмигнул Тобиас.

Братик покраснелся и развеселился. Он натянул тетиву изо всех сил, и стрела пролетела несколько метров. Взглянул на Тобиаса, тот кивнул: хороший выстрел, – и пошел за стрелой.

– Может быть, постреляем в христианских девочек? – спросил брат, когда вернулся.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Тобиас.

– Ну, те христианские девочки, которые поселились в лесу! Может, постреляем в них?

– Мы не стреляем в людей, – сказал Тобиас, решительно взяв брата за руку. – И откуда ты знаешь о них?

– В школе кто-то рассказал. Что они живут в нашем лесу и едят людей.

Тобиас посмеялся про себя.

– Да, кто-то живет в лесу, – улыбнулся он. – Но они не опасны и уж точно не едят людей.

– Почему они не ходят в нашу школу? – спросил брат, широко раскрыв глаза. – Если они тут живут.

– Точно не знаю. Думаю, у них есть своя школа.

Братишка посерьезнел.

– Это же очень хорошо. Раз уж они не хотят ходить в нашу.

– Вероятно, – подмигнул Тобиас.

– Ну, где будем стрелять буйволов сегодня? – продолжил он, и погладил брата по волосам. – Около озера Рундванн?

– Вероятно, – кивнул малыш, пытаясь казаться взрослым. – Вероятно, я хочу туда.

– Тогда туда и пойдем. Сможешь поднять стрелу, которую я выпустил первой, найдешь ее?

Брат кивнул.

– Вероятно, я найду ее, – сказал он с хитрой улыбкой и побежал вперед между деревьев.

9

Холгер Мунк чувствовал себя не лучшим образом, сидя в моторной лодке на пути из Хитра на еще меньший островок поблизости. Нет, он не страдал от морской болезни, Мунк очень любил бывать в море. Дело в том, что он только что говорил по телефону с Миккельсоном. Тот внезапно стал очень странным, без обычной для него напускной суровости, он говорил почти смиренно, пожелал Мунку удачи и выразил надежду, что все получится. Сказал, что сейчас очень важно объединиться всему отделу – речь его была пустой эмоциональной болтовней. Это так не похоже на Миккельсона, и Мунку это не нравилось. Очевидно, что-то случилось. Что-то, о чем Миккельсон не хотел говорить Мунку.

Мунк укутался в куртку и попробовал прикурить сигарету, пока корабль тихо плыл по фьорду. Парень с взъерошенными волосами, управлявший лодкой, был явно не полицейским, а каким-то волонтером. Мунк так и не понял, почему нельзя было отвезти его до двух часов, да он и не стал спрашивать об этом. Он коротко поздоровался с парнем на набережной, спросил, знает ли он, где находится остров, на что тот кивнул и показал на него. Всего-то пятнадцать минут на лодке. Старый дом Ригмур, она жила там с сыном, но потом сын уехал в Австралию, скорее всего, к женщине, и Ригмур ничего не оставалось, как переехать на главный остров, а маленький с домом продали какой-то девушке с

востока Норвегии. Никто особо ничего о ней не знал, видели ее пару раз на пути в аптеку – красивая девушка лет тридцати, длинные черные волосы, всегда в солнечных очках – это же то место, куда вам нужно?

Последний вопрос парень прокричал под шум мотора лодки, но Холгер Мунк, не вымолвивший ни слова с момента прибытия на набережную, продолжал молчать. Он просто решил дать парнишке возможность поболтать, пока сам уже в третий раз пытался, прикрываясь ладонью от ветра, зажечь сигарету, но безуспешно.

Когда они приблизились к острову, небольшая тошнота после разговора с Миккельсоном испарилась. До него дошло, что он наконец увидит Мию снова. Он скучал по Мии. Последний раз они виделись почти год назад. В доме отдыха. Или в сумасшедшем доме, или как там это называется теперь. Она была сама не своя, он практически не смог с ней пообщаться. Пытался наладить контакт, звонил и писал мейлы несколько раз, но все без ответа. Когда он увидел перед собой красивый маленький остров, он понял, почему. Она не хотела, чтобы до нее добрались. Хотела быть одна.

Моторная лодка причалила к маленькой пристани, и Мунк сошел на землю, не с такой легкостью, как десять лет назад, но все же он был не в такой плохой форме, как думали другие.

– Мне подождать или вы позвоните, чтобы я довез вас обратно? – спросил молодой человек с взъерошенными волосами в надежде, что, может быть, ему удастся подождать и оказаться в центре событий, ведь здесь, на отдаленных островах, мало что интересного происходит.

– Я позвоню, – кратко сказал Мунк, отдав честь.

Он повернулся и посмотрел вверх, на дом. Постоял так некоторое время, пока не затих шум мотора уплывающей лодки. Это было удивительное место. У Мии есть вкус, без сомнений. Она выбрала идеальное место, чтобы спрятаться. Свой собственный маленький остров, расположенный далеко во фьорде. От пристани шла небольшая тропинка к маленькому идиллическому белому домику. Мунк в этом плохо разбирается, но выглядел он так, словно был построен в 50-ых или около того, возможно, дача, позже ставшая постоянным жильем. Миа Крюгер. Здорово будет снова ее увидеть.

Он вспомнил, как увидел ее в первый раз. Сразу после того, как создали специальный отдел, ему позвонил Магнар Иттре, давний коллега, а сейчас ректор полицейской академии. Мунк не разговаривал с Иттре уже много лет, но, несмотря на это, ни секунды не потратил на дежурные фразы. Мне кажется, я нашел кое-кого для тебя, сказал он гордо, словно маленький ребенок, показывающий родителям рисунок.

– Привет, Магнар, давно не слышал тебя. Что ты нашел?

– Я нашел кое-кого для тебя. Ты должен с ней встретиться.

Иттре говорил так быстро, что Мунк не успел расслышать все детали, но в общих чертах история была такова. Второкурсники полицейской академии получили тестовое задание, разработанное исследователями института психологии UCLA в Лос-Анджелесе. Тест с каким-то медицинским названием, которое Мунк не запомнил, заключался в следующем. Все студенты получили фото жертвы убийства вместе с другими снимками с места преступления. Их задача была – назвать свои выводы и ассоциации, сказать, на что они обратили внимание, о чем подумали. Тест был проведен в неформальной обстановке, в духе небольшой игры, чтобы студенты не были под давлением и не знали, что это что-то важное.

– У меня нет точной статистики, но я никогда не видел подобного результата. Эта девушка – нечто совершенно особенное, – объяснил Иттре, все еще с гордостью и нетерпением.

Холгер Мунк встретился с ней в кафе – простая встреча около дома. Миа Крюгер. Двадцать с небольшим, белый свитер и узкие черные брюки, косо стриженные черные волосы и самые ясные голубые глаза, которые он когда-либо видел. Ему она сразу понравилась. Что-то было в том, как она себя вела, как разговаривала. Как ее взгляд реагировал на заданные вопросы. Как будто она видела, что он экзаменует ее, но все равно отвечала очень вежливо, с небольшой ухмылкой во взгляде – вы думаете, я ничего не понимаю?

Через несколько недель после этой встречи он забрал ее из академии, с разрешения Иттре, который уладил все с документами. Не было никакого смысла продолжать сидеть на школьной скамье. Эта девушка уже все умела.

Мунк улыбнулся про себя и пошел к дому. Входная дверь была открыта, но Мии нигде не было видно. Внезапно ему пришло в голову, что, несмотря на то, что они работали вместе много лет, он ни разу не был у нее дома. Он почувствовал себя незванным гостем и немного постоял в коридоре перед тем, как медленно сделать еще пару шагов вперед. Постучав в полуоткрытую дверь, он вошел в гостиную. Комната была скромно убрана: стол, старый диван, несколько венских стульев, камин в углу. Все вместе смотрелось немного странно, было не очень похоже на дом: никаких фотографий или личных вещей.

Может быть, он ошибся? И ее тут нет? Может, она пожила здесь недолго и уехала дальше, спряталась в другом месте?

– Эй, Миа?

Мунк прошел в кухню и выдохнул с некоторым облегчением. На столике у окна стояла кофемашина, одна из современных моделей, какие обычно стоят в кафе, а не в домах. Он слегка улыбнулся в бороду. Теперь он знал, что пришел куда нужно. У Мии Крюгер было не так много привязанностей, но то, без чего она не могла обойтись, – это хороший кофе. Сколько раз она приходила к нему в кабинет и морщила нос, учуяв запах его кофе. Как ты можешь пить это пойло, тебя не тошнит от него?

Мунк подошел к столику и посмотрел на сияющую кофемашину. Она была холодная. Ее не использовали уже некоторое время. Это необязательно должно что-то значить. Миа все еще могла быть где-то поблизости. Но что-то действительно было не так. Он не мог точно сказать что. Он начал осматривать дом.

– Эй, Миа! Ты тут?

10

Миа Крюгер резко проснулась и села в кровати.

В доме кто-то есть.

Она не смогла вспомнить, как добралась до второго этажа, как разделась и легла спать, но теперь все это не имело никакого значения. В доме кто-то есть. Она услышала, как на кухне бутылки выпали из шкафа и разбились. Миа выбралась из кровати, натянула джинсы и футболку, открыла ящик с бельем и достала оттуда пистолет, маленький «Глок 17». Она не любила пистолеты, но глупить было нельзя. Босиком вышла из спальни, открыла окно в коридоре и вылезла на крышу. Миа ощутила холодный ветер на оголенных плечах и внезапно поняла, что уже проснулась. Ее так долго не было в реальности. Ей снилась Сигрид. Золотое пшеничное поле: Сигрид с развевающимися волосами мелькает, будто в замедленной съемке:

Пойдем, Миа, пойдем же.

Миа стряхнула с себя остатки сна, засунула пистолет за пояс, спрыгнула с крыши и по-кошачьи мягко приземлилась на траву. Кто, черт его побери, это может быть? Здесь? В ее доме? Так далеко от цивилизации? Она прокралась за угол и бросила взгляд на окно гостиной. Никого. Медленно направилась к задней двери, заглянула в маленькое окошко – снова никого. Осторожно открыла дверь и задержалась на несколько секунд, прежде чем босиком зайти в коридор. У входа в гостиную она прижалась спиной к стене и задержала дыхание. Войдя в гостиную, она достала пистолет.

– Вот, значит, как ты встречаешь старого знакомого?

Холгер Мунк сидел на диване, положив ноги на стол, и улыбался ей.

– Чертов идиот, – с облегчением выдохнула Миа. – Я могла застрелить тебя.

– Ну, это вряд ли, – ухмыльнулся Мунк и поднялся. – Слишком маленькая мишень.

Он хлопнул себя по животу и рассмеялся. Миа положила пистолет на подоконник и подошла обнять старого коллегу. Только сейчас она почувствовала, что замерзла, босиком, почти без одежды, и что вчерашние таблетки все еще давали знать о себе. Инстинкт самосохранения возобладал, дав ей силы, которых не было в теле. Завернувшись в плед, она устроилась на диване.

– Ты в порядке?

Миа кивнула.

– Я не хотел тебя пугать. Ты испугалась?

– Немного, – кивнула Миа.

– Извини, – сказал Мунк. – Я сделаю чаю, хочешь? Хотел приготовить кофе, но понятия не имею, как работает этот твой космический корабль.

Миа улыбнулась. Она давно не видела своего коллегу, но, кажется, он не изменился.

– Я с удовольствием выпью чая, – улыбнулась она.

– Две секунды, – усмехнулся Мунк и исчез на кухне.

Миа бросила взгляд на толстую папку, лежащую на столе. У нее не было доступа к телефону, интернету или газетам, но было несложно догадаться: что-то случилось там, снаружи, в большом мире. Что-то важное. Настолько важное, что Холгер Мунк сел сначала на самолет, затем в машину и наконец на паром, чтобы найти ее.

– Сразу перейдем к делу или хочешь немного поболтать?

Мунк улыбнулся и поставил чашку перед ней.

– Я больше не возьму на себя никаких дел, Холгер.

Миа покачала головой и сделала глоток.

– Да, это ясно, – вздохнул Мунк и опустился в одно из кресел. – Поэтому ты и прячешься здесь, на острове, я понимаю. У тебя и телефона нет? Непросто было тебя найти.

– В этом и смысл, – сухо ответила Миа.

– Понимаю, понимаю. Хочешь, чтобы я уехал?

– Нет, почему же, ты можешь остаться ненадолго.

Вдруг она почувствовала страшную усталость. Шаткость. Она раньше была такой спокойной и уравновешенной. Пощупала карман, но там было пусто. Да и нельзя было принимать ничего, пока Холгер Мунк здесь. А было бы так хорошо сейчас принять таблетку и запить чем-нибудь покрепче.

– Ну, что думаешь? – спросил Мунк, немного наклонив голову.

– О чем? – переспросила Миа.

– Хочешь взглянуть или нет?

Он кивнул в сторону папки, лежащей на столе между ними.

– Я думаю, что воздержусь, – сказала Миа и плотнее укуталась в плед.

– Хорошо.

Мунк достал телефон и набрал номер молодого человека с взъерошенными волосами.

– Это Мунк, я закончил дела на острове, сможете забрать меня?

Миа Крюгер покачала головой. Он остался все тем же – всегда знал, как добиться желаемого.

– Ты идиот.

Мунк прикрыл трубку рукой.

– Что ты сказала?

– Ну, ладно-ладно, я посмотрю мельком. Но на этом все. Окей?

– Забудьте то, что я сказал, пока не приезжайте. Я перезвоню позже.

Мунк положил трубку и придвинулся ближе к столу.

– Ну? Что тебе для этого нужно? – спросил он и взялся за папку.

– Я хочу теплые носки и свитер, ты найдешь их в шкафу в спальне. А еще хочу выпить. В кухонном шкафу под столом стоит бутылка коньяка.

– Ты начала пить крепкий алкоголь? – спросил Мунк и поднялся. – На тебя это не похоже.

– Еще было бы здорово, если бы ты замолчал, – сказала Миа и открыла папку перед собой.

Внутри было около двадцати пяти фотографий и отчет с места происшествия. Миа Крюгер разложила фотографии на столе.

– Ну что думаешь? Первое впечатление? – прокричал Мунк с кухни.

– Я поняла, почему ты приехал.

Мунк вернулся в комнату, поставил бокал на пол около нее и вышел.

– Не торопись, потрать столько времени, сколько тебе нужно. Я пойду принесу все, что ты просила, а потом сяду рядом и буду смотреть на море, хорошо?

Миа не слышала, что он сказал. Она уже отключилась от внешнего мира. Сделав большой глоток коньяка, она глубоко вдохнула и начала изучать фотографии.

Мунк сидел на камне у берега и смотрел на исчезающее за горизонтом солнце. Раньше он думал, что в Хёнефоссе тихо. Лежа в своей комнате вечерами, он редко слышал какие-нибудь звуки. Но это ерунда по сравнению с этим островом. Здесь была настоящая тишина. И красота. Мунк давно не видел ничего подобного. Он понял, почему она выбрала это место. Какой покой! Какой прекрасный воздух! Мунк глубоко вдохнул. Это что-то особенное. Он бросил взгляд на часы на своем телефоне. Два часа. Долго, но она должна получить столько времени, сколько ей потребуется. Ему вообще-то никуда и не нужно. Может быть, он просто побудет здесь на улице? Жить, как она, выбросить телефон? Отключить окружающий мир? Полностью освободиться? Нет, не мог же он оставить маленькую Марион. Остальные неважны. Как же так? Он почувствовал укол совести. На мгновение увидел перед собой мать, едущую навстречу в инвалидной коляске. Надеюсь, все прошло хорошо. Ведь это я должен возить ее на встречи в молельный дом по средам. Он не понимал, зачем ей вообще туда нужно, она никогда не была особенно верующей. Но она уже достаточно взрослая, чтобы решать самостоятельно, хотя Мунку и не нравилось это предприятие.

– Холгер?

Ход мыслей Мунка был прерван голосом Мии из дома.

– Готова?

– Думаю, да.

Мунк резко поднялся, поборов боль в мышцах, и быстрыми шагами пошел к дому.

– Ну, что думаешь?

– Я думаю, нам надо пообедать. Я приготовила суп.

Мунк вернулся в гостиную и снова сел на венский стул. Фотографии уже были не разбросаны по столу, а аккуратно сложены в папку.

Миа вошла и, ничего не говоря, поставила перед ним тарелку горячего дымящегося супа. Было ясно видно, что она напряженно думала, он узнал этот ее взгляд: она была глубоко внутри себя и не хотела, чтобы ее беспокоили. Он молча съел суп, подождал, пока доест она, и осторожно кашлянул, чтобы вернуть ее в реальность.

– Паулине Улсен. Древнее имя для шестилетней девочки.

– Лине, – сказал Мунк.

– Что?

– Ее называли в честь бабушки, но дома звали просто Лине.

Миа посмотрела на него взглядом, который сложно было расшифровать. Она все еще была где-то далеко.

– Лине Улсен, – продолжил Мунк. – Шесть лет, собиралась в школу осенью. Была найдена в Маридалене висящей на дереве случайным прохожим. Никаких признаков сексуального насилия. Убита передозом метогекситала. Ленточка вокруг шеи из «Норвиджиан».[4 - Норвежская авиакомпания «Norwegian» предоставляет услугу – помощь детям, путешествующим без взрослых. Таким детям надевают специальную ленту с надписью «Я путешествую один/одна».] «Я путешествую одна». Школьный рюкзак на спине, полный учебников – не ее, ведь она еще не пошла в школу. Пенал, линейка и все книжки обернуты в бумагу, без отпечатков пальцев. На всех книгах стоит имя Ане ЙВ, по той или иной причине, чужое имя. Одежда чистая, новая, ни один предмет не принадлежал девочке – по словам матери, все новое.

– Это кукла, – сказала Миа.

– Что?

Миа медленно наполнила свой стакан, принесла бутылку коньяка из кухни, пока его не было, и почти опустошила ее.

– Это кукольная одежда, – продолжила она. – Весь наряд. Откуда?

Мунк пожал плечами.

– Извини, я не знаю ничего, кроме того, что в отчете. Я не занимаюсь этим делом.

– Тебя Миккельсон прислал?

Мунк кивнул.

– Будут еще, – тихо сказала Миа.

– Что ты имеешь в виду?

– Будут еще жертвы. Она первая.

– Ты уверена?

Миа странно посмотрела на него.

– Прости, – сказал Мунк.

– У нее цифра на ногте мизинца, – коротко сказала Миа.

Миа взяла одну из фотографий из папки. Левая рука девочки крупным планом. Положила ее перед Мунком и ткнула.

– Видишь? Цифра 1, процарапанная на ногте левого мизинца? Выглядит, как черточка, но это номер. Номер 1. Будут еще.

Мунк почесал бороду. Для него это была всего лишь маленькая царапинка, указанная в отчете, но ничего не значащая.

– Сколько? – спросил он и стал ждать продолжения.

– Может, количество пальцев.

– Десять?

– Нельзя точно сказать. Может быть.

– Так ты точно уверена? Что будут еще?

Миа снова странно посмотрела на него и сделала еще глоток.

– Это клинический случай. Преступник потратил много времени. Вообще я даже не уверена, что это мужчина, хотя может и так, но тогда он точно не... да.

– Что?

– Не знаю. Обычный. Если это мужчина, то необычный.

– Ты имеешь в виду сексуальную сторону?

– Не совсем сходится, и все же сходится, хотя все же кое-что не сходится, если ты понимаешь, о чем я, – и все равно сходится...

Она снова оставила его: ее не было в комнате, она была внутри своей головы. Мунк просто ждал продолжения, не прерывая ее.

– Что такое методекситал?

Мунк открыл папку и немного полистал отчет, прежде чем ответить. Конечно же, она не читала его. Только посмотрела фотографии, как обычно.

– Он поставляется под названием «бrevital». Наркоз. Используется анестезиологами.

– Наркоз, – повторила Миа и снова исчезла в себе.

Мунку ужасно хотелось покурить, но он продолжал сидеть. Не хотел закуривать в доме, но и покидать Мию тоже не хотел – не сейчас.

– Он не хотел причинить ей боль, – внезапно сказала Миа.

– В смысле?

– Преступник не хотел причинить ей боль. Он нарядил ее, помыл. Наркоз. Не хотел, чтобы она страдала. Она ему нравилась.

– Нравилась?

Миа тихо кивнула.

– Тогда почему он повесил ее на скакалке?

– Она собиралась пойти в школу.

– Зачем рюкзак и учебники?

Миа непонимающе посмотрела на него.

– Тот же ответ.

– Почему на них стоит не Паулине, а Ане?

– Этого я не знаю, – вздохнула Миа. – Это не укладывается. Именно это не вписывается в картину. Все остальное сходится, но это – нет, ты согласен?

Мунк не ответил.

– Сзади на платье вышивка – Мк.10:14. Это вписывается, – продолжила она.

– Евангелие от Марка 10:14? «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им».

Мунк запомнил эту деталь из отчета, ведь она была довольно важной, а вот черточке на ногте не придавал значения.

Миа кивнула.

– Но это не так важно. Мк.10:14. Это просто ерунда. Есть кое-что поважнее.

– Важнее имени на учебниках?

– Не знаю, – сказала Миа.

– Миккельсон хочет, чтобы ты вернулась.

– В этом все дело?

– Да.

– Это невозможно. Я не вернусь.

– Уверена?

– Я не вернусь, – она внезапно закричала. – Ты что, не слышал? Я не собираюсь возвращаться!

Мунк никогда не видел ее такой прежде. Она вся дрожала, почти плакала. Он встал и подошел к дивану. Сел рядом с ней и обнял за плечи. Прижал ее голову к своей груди и погладил по волосам.

– Хватит, Миа, хватит. Давай остановимся на этом. Большое спасибо тебе.

Миа не отвечала. Мунк чувствовал, как ее хрупкое тело тряслось. Она и правда была сама не своя. Да, такой он ее раньше не видел. Он помог ей встать с дивана и подняться по лестнице. Проводил ее в комнату, уложил на кровать и накрыл одеялом.

– Хочешь, я останусь на ночь? Посижу тут? Или посплю внизу на диване? Приготовлю завтрак тебе утром? Я могу попробовать починить этот космический корабль. Разбудить тебя чашкой кофе?

Миа Крюгер не ответила. Та красивая девочка, которую он так любил, безжизненно лежала под одеялом без движения. Мунк сел на стул рядом с кроватью и через несколько минут услышал, как ее тяжелое дыхание выровнялось – она уснула.

Миа? Вот так?

Он видел ее уставшей и подавленной раньше, но вот такой – никогда. Это было чем-то совершенно иным. Он тепло посмотрел на нее, проверил, не холодно ли ей, и спустился вниз. Нашел тропинку к морю и достал мобильный из кармана куртки.

– Миккельсон, слушаю?

– Это Мунк.

– Да?

– Она не вернется.

На том конце повисла тишина.

– Черт, – наконец раздалось в трубке, – Она сказала что-то полезное? То, что мы упустили?

– Будут еще жертвы.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал. У нее на мизинце написано число. Мы пропустили его.

– Мать божья, – Миккельсон снова затих.

– Есть что-то, чего я не знаю? – спросил Мунк.

– Лучше всего тебе вернуться.

– Я останусь тут до завтра. Я нужен ей.

– Я не это имею в виду, я имею в виду – вернуться назад, к нам.

– Мы снова откроем наш отдел?

– Да, ты сразу можешь ехать сюда. Я сделаю несколько звонков завтра.

– Хорошо, увидимся завтра вечером, – ответил Мунк.

– Хорошо, – сказал Миккельсон и снова замолчал.

– Нет, Миа не вернется, – повторил Мунк, словно отвечая на висящий в воздухе вопрос.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Марибуэсгате, тот же офис?

– Все уже налажено. Отдел неофициально открыт снова. Ты сможешь забрать свою команду, когда вернешься.

– Окей, – ответил Мунк и быстро положил трубку.

Он испытал нарастающую радость, но не хотел, чтобы Миккельсон почувствовал это. Он снова вернется домой. В Осло. Его отдел снова работает. Он получил назад свою старую работу, но не мог радоваться до конца. Он никогда не видел Мию Крюгер в таком ужасном состоянии. И в то же время не хотел тащить ее с собой. А от мысли о девочке, висящей на дереве, обычно сдержанного следователя бросило в дрожь.

Мунк взглянул на небо. Уже стемнело. Звезды купали тишину в холодном свете. Он выбросил сигарету в воду и пошел назад к дому.

Тобиас Иверсен нашел новую ветку и стал очищать ее для еще одной стрелы, пока брат побежал поднимать первую. Ему нравилось работать ножом. Нравилось, как лезвие врезалось в дерево, нравилось медленно скользить ножом между корой и деревом, чтобы не наделать зазубрин в будущей стреле. Тобиас умел работать руками, отличные оценки он получал только на искусстве и труде. В остальных предметах был середнячком, особенно в математике. Но в труде у него были успехи. И в норвежском. Тобиас обожал читать. До этого он читал в основном фэнтези и научную фантастику, но этой осенью к ним пришла новая учительница, Эмилие, с высоким смехом и множеством веснушек, вообще даже не совсем учительница, а просто милая взрослая девушка. Она вела уроки, совсем другие, чем были до нее. На тех уроках было в основном... да он даже и не помнил, что на них было. Эмилие составила ему целый список книг, которые, по ее мнению, ему следует прочесть. Он почти закончил «Повелителя мух» и почувствовал, что с нетерпением ждет возвращения домой, когда сможет лечь на кровать и почитать. Или, по крайней мере, просто почитать – домой идти ему не очень-то хотелось. Ему было тринадцать, но чувствовал он себя гораздо старше, ведь он пережил вещи, которые вообще-то не должен был переживать в своем возрасте. Много раз он думал сбежать, просто собрать все самое необходимое в рюкзак и уехать в большой мир из темного дома, но так сделать не получалось. Куда он поедет? Он скопил немного денег, с подарков на дни рождения и Рождество, но этого не хватит на что, чтобы доехать куда-нибудь, да и не может же он уехать от братишки – кто будет заботиться о нем, если не он? Он попробовал подумать о чем-то другом, продолжая медленно скользить ножом по ивовой коре, и удовлетворенно улыбнулся, когда у него получилось очистить всю ветку без зазубрин.

Братишки все еще не было. Тобиас бросил взгляд в сторону леса, особо не беспокоясь об этом. Он любопытный малый, и, наверно, просто заметил интересный гриб или муравейник.

Может быть, мы постреляем в одну из христианских девочек?

Тобиас усмехнулся про себя. Типичный маленький ребенок, такой невинный, ничего не знает, может говорить все что думает, не то, что в классе у Тобиаса или вообще в школьном дворе. Там нужно было следить за тем, что говоришь и думаешь. Если так не делать, будет плохо. Тобиас видел это много раз. Точно

как в «Повелителе мух». Если ты покажешь слабость, то станешь жертвой. Сейчас крутым считается спорт, к счастью, Тобиас спортивный мальчик: быстро бегают, прыгает высоко и далеко и хорошо играет в футбол. Проблема была с одеждой. Несколько новичков, переехавших сюда из города, привыкли к немного другой жизни, у них было больше денег. Теперь нужно носить «Адидас», «Найки», «Пуму» или «Рибок». Тобиас уже получил пару замечаний насчет своих ботинок, старых шорт, тренировочных штанов и футболок неправильного фасона и с неправильным логотипом. К счастью, была одна вещь важнее всех остальных – нравишься ли ты девочкам. И если ты им нравишься, ни спорт, ни школа, ни одежда уже не особенно важны. Девочки любили Тобиаса Иверсена. Не только потому, что он был симпатичным, но и потому, что с ним было приятно общаться. Так что было нестрашно, что на его поношенных кроссовках всего одна полоска.

Христианские девочки. Сразу же распространились слухи, что они поселились в старом доме в лесу около Литъённа, где никто уже давно не жил. И то, что они отремонтировали его и теперь там все по-другому, – подозрительно это все, считали люди. Вроде бы они назывались «Друзья Смита», но может, и нет, а кто-то состоял в «Друзьях Смита», но решил, что они недостаточно хороши, и поэтому основал свою собственную секту – это связано с религией или что-то в таком духе. Каждый думал, что что-то знал, но на самом деле никто не знал ничего, только что их дети не ходили в школу и что у них все было о Боге и христианстве и тому подобном. Тобиасу это очень нравилось, он быстро понял, что если вдруг ему указывали на его одежду или речь заходила про бедных людей, он мог просто перевести разговор на христианских девочек, и все тут же забывали о модных вещах. Он даже как-то соврал, что видел их после физкультуры, только чтобы те двое городских заткнулись, и у него получилось. Тобиас выдумал историю, что у девочек была странная одежда и почти мертвые глаза и что они стали следить за ним, когда увидели. Конечно, это глупо, ведь он не имел никакого отношения к этим девочкам, но что поделать?

Тобиас отложил нож и посмотрел на часы. Брата не было уже довольно долго, и он начал волноваться. Не потому что им нужно домой – никто не следил, во сколько они приходят и уходят. Тобиас надеялся, что в холодильнике найдется что-нибудь, чтобы покормить брата вечером. Все остальное он научился делать сам. Он мог поменять постельное белье, запустить стиральную машинку, собрать рюкзак брату – на самом деле, практически все необходимое, кроме еды. Он не хотел тратить свои деньги на еду, ведь это несправедливо, но обычно на кухне что-то было, пакетик супа или немного хлеба с вареньем. Обычно им хватало.

Он воткнул ветку в землю около пенька, на котором сидел, и встал. Если они пойдут охотиться на буйволов, то уже пора. Он любил укладывать брата спать до девяти, во всяком случае, по будням. Так было лучше для них обоих. У них была общая комната наверху, и Тобиас любил те редкие часы, когда брат уже засыпал, а он мог читать под лампой перед сном.

– Торбен?

Тобиас пошел в лес в ту сторону, куда улетела стрела и отправился брат. Ветер усилился, и вокруг него зашумели листья. Ему не было страшно, он гулял один много раз и в ветер, и в непогоду, ему даже нравилось, как природа брала верх и сотрясала все вокруг. Но вот братишка может испугаться.

– Торбен? Ты где?

Внезапно он почувствовал укол совести за то, что говорил о христианских девочках. Ложь, почерпнутая из книг. Он решил как-нибудь предпринять небольшую экспедицию, как мальчики в «Повелителе мух». У которых не было взрослых. Выбраться из дома, взяв с собой немного еды и фонарик, и пойти к Литьённа. Он знал дорогу. Посмотреть, правда ли все то, что про них говорили. Интересно и познавательно – вот, теперь он вспомнил, что прежний учитель делал на уроках: он всегда говорил, что сейчас они будут изучать что-то интересное и познавательное, поэтому должны сидеть тихо и слушать, но так никогда не было, было неинтересно и не особенно познавательно, ведь Тобиас ничего не помнил из этих уроков. Еще он вспомнил одну вещь, которую ему сказал дедушка, когда они ехали на старой красной «вольво», не всем стоит заводить детей, некоторым не стоит быть родителями. Он это хорошо запомнил, может быть, так же бывает и с учителями? Может быть, им просто не подходит эта работа, поэтому они каждый раз приходят на уроки с грустными лицами?

Его ход мысли был прерван шевелением в кустах неподалеку. Как из ниоткуда перед ним появился брат, со странным выражением лица и большим мокрым пятном спереди на штанах.

– Торбен? Что там такое?

Брат посмотрел на него пустыми глазами.

– Там ангел висит в лесу одиноко.

– Что ты имеешь в виду?

– Ангел висит в лесу одиноко.

Тобиас обнял братика, почувствовав, как тот весь дрожит.

– Ты нашел то, что искал, Торбен?

– Нет. Она висит там в лесу.

– Можешь показать мне, где?

Братик посмотрел на него снизу вверх.

– У нее нет крыльев, но я почти уверен, что это ангел.

– Покажи мне, – серьезно сказал Тобиас и подтолкнул брата в сторону елей.

13

Миа Крюгер сидела на камне и смотрела на закат над Хитра последний раз.

Семнадцатое апреля. Остался один день. Завтра она встретиться с Сигрид.

Она чувствовала усталость. Не ту усталость, когда хочется спать, а усталость от всего. От жизни. От людей. От всего, что произошло. Она нашла своеобразный покой перед тем, как Холгер показал ей эти фотографии. Но после того как он уехал, это уродливое чувство снова поднялось в ней.

Зло.

Она сделала глоток из бутылки, которую взяла с собой, и натянула шапку плотнее на уши. Становилось холоднее, весна все-таки не пришла раньше времени. Она просто обманула всех, сказав, что уже в пути. Миа была рада, что у нее есть бутылка для согрева. Не так она представляла свой последний день. Она планировала успеть как можно больше. Последние двадцать четыре часа жизни. Птицы, деревья, вода, свет. На день отдохнуть от таблеток, почувствовать вещи и себя вживую, в последний раз. Но так не получилось. После отъезда Холгера потребность в подавлении чувств только росла. Она больше пила. Принимала больше таблеток. Просыпалась, не замечая, что спала. Она пообещала себе не переживать из-за того, что увидела в папке. Идиотизм, конечно же, когда это ей удавалось отстраниться от таких вещей? Работа. Для других это, может, и была работа, но не для Мии. Она всегда принимала близко к сердцу все свои дела. Чувствовала душой, словно сама была жертвой всех этих преступлений. Похищенной, изнасилованной, избитой железными прутьями, прожженной сигаретами, отравленной передозировкой наркотиков, шестилетней девочкой, повешенной на дереве на скакалке.

Почему на учебниках стояло не ее имя?

Ведь все остальное было спланировано до мелочей.

Твою мать.

Она пыталась забыть взгляд маленькой девочки на дереве, но не могла выбросить из головы. Все это выглядит как театральная постановка. Почти что игра. Как сообщение. Но для кого? Для того, кто найдет ее? Для полиции? Она перерыла свою память в поисках дел, где фигурировало имя Ане, но ничего не вспомнила. Именно к этому Миа раньше была особенно способна, но теперь голова больше не работала. И тем не менее, в этом что-то было, что-то, на что она никак не могла выйти, и это раздражало ее. Миа посмотрела, как солнце село в море, и попыталась сконцентрироваться. Сообщение? Для полиции? О старом деле? О нераскрытом деле? У нее было не так уж много нераскрытых дел в карьере. К счастью. И все же была парочка. Богатая пожилая женщина была найдена мертвой в своей квартире на Бугстадсвейен, но они не нашли признаков убийства, хотя Миа и была уверена, что ее убил кто-то из наследников. В том деле не было имени Ане. Они помогали полиции Рингерике в деле о пропаже несколько лет назад. Пропал маленький ребенок, швед взял на себя вину и покончил с собой, но ребенка так и не нашли. Дело закрыли, хотя у Мии были аргументы оставить его открытым. Насколько она помнила, там тоже не было

имени Ане. Паулине. Шесть лет. Не шесть ли лет назад исчез ребенок? Миа осушила бутылку и позволила глазам отдохнуть на горизонте, пока она пыталась заглянуть внутрь себя. Назад. Шесть лет назад. Там что-то было. Она почти чувствовала это на языке. Но оно не выходило на свет.

Твою мать.

Миа пошарила в карманах в поисках таблеток, но ничего не нашла. Она забыла положить новых. Все они лежали на столе в гостиной. Все, что остались. Достаточное количество. Готовы к употреблению. Вообще она хотела дождаться рассвета. Лучше отправиться в путешествие при свете, думала она. Если я отправлюсь в темноте, вдруг я в ней потону? Но сейчас она передумала. Все, что нужно было, – чтобы время перевалило за полночь. С 17 на 18 апреля.

Пойдем, Миа, пойдем.

Не так представляла она себе конец. Она встала и выбросила пустую бутылку в море. Разозлилась на себя, не надо было мусорить, этот запрет крепко сидел в ней с детства. Красивый сад. Мама и папа. Бабушка. Надо было написать письмо в бутылке. Сделать что-то красивое в свои последние часы на земле. Помочь нуждающемуся. Раскрыть дело. Она хотела снова подняться к дому, но ноги не слушались. Она осталась стоять, крепко прижав к телу руки, в холоде, внизу на камне.

Ане ЙВ. Ане ЙВ. Ане ЙВ. Ане ЙВ. Паулине. Нет, Ане. А не Паулине.

Ах, черт побери.

Миа Крюгер резко проснулась. Голова, ноги, руки, кровь, дыхание, чувства – все ожило.

Ане ЙВ.

Конечно. Конечно же. Боже мой, почему она не догадалась раньше? Это же было очевидно. Ясно как день. Миа побежала к дому, оступилась в темноте, сразу же поднялась на ноги и вбежала в гостиную, не закрыв за собой дверь. Вбежала в кухню. Встав на колени перед раковиной, стала рыться в мусорном ведре. Сюда

она его выбросила? Телефон, который он снова оставил ей.

На случай, если ты передумаешь.

Она нашла мобильный в мусоре вместе с бумажкой, на которой был пин-код и номер Мунка. Она вышла в гостиную, торопливо включила телефон. Дрожащими пальцами набрала пин-код. Ну, конечно же. Конечно. Неудивительно, что что-то не вписывалось. Все должно вписываться. И все вписалось. Ане ЙВ. Ну, конечно. Какой же она была дурой.

Миа набрала номер и нетерпеливо ждала, пока Мунк ответит. Она услышала автоответчик, сбросила и набрала еще раз. И еще раз. И еще, пока не услышала усталый голос Мунка на другом конце:

– Миа? – зевнул он.

– Я все поняла, – Миа взволнованно выдохнула.

– Что ты поняла? Сколько времени?

– Какая к чертовой матери разница, сколько времени, я все поняла!

– Что поняла?

– Ане ЙВ.

– Ты серьезно? И что это?

– Я думаю, ЙВ – это Йоаким Виклунд. Тот швед из дела в Хёнефоссе пару лет назад. Помнишь его?

– Конечно, – пробормотал Мунк.

– А «Ане» просто значит «а не». «Это я, а не Йоаким Виклунд». Это тот же человек, Холгер. Тот же, что и в деле Хёнефосса.

Мунк надолго замолчал. Миа почти слышала стрекот у него в голове. Это звучало слишком дико, чтобы быть правдой, но тем не менее, так и есть.

– Ты так не думаешь? – спросила Миа.

– Звучит совершенно безумно, – наконец произнес Мунк. – Но хуже всего то, что ты можешь оказаться права. Ты приедешь сюда или как?

– Да, – ответила Миа. – Но только на это дело. Потом я пас. У меня есть другие дела.

– Понял. Это тебе решать, – сказал Мунк.

– Мы вернемся на Марибуэсгате?

– Да.

– Я прилечу завтра.

– Хорошо. Тогда увидимся.

– Увидимся.

– Будь осторожна на дороге.

– Я всегда осторожна, Холгер.

– Ты никогда не осторожна, Миа.

– Иди к черту, Холгер.

– Я тоже тебя люблю, Миа. Хорошо, что ты возвращаешься. До встречи завтра.

Миа положила трубку и несколько секунд стояла, несмело улыбаясь про себя. Она медленно прошла в гостиную и посмотрела на все таблетки, выложенные на столе.

Пойдем, Миа, пойдем.

Она послала мысленное извинение своей близняшке. Сигрид придется еще немного подождать. Мии Крюгер сначала нужно кое-что доделать.

2

14

Габриэль Мёрк немного волновался, пока стоял на тротуаре на Марибуэсгате и ждал, когда его заберут. Он думал, что отделение полиции находится в Грёнланде, но это, видимо, не так. Он получил короткую смску: «Встреча на Марибуэсгате. Заберем тебя в 11». Ни отправителя. Ничего. Странно, на самом деле. Прошлая неделя вообще была очень странной – забавно, но Габриэль Мёрк еще не понял всего разнообразия того, на что он подписался.

Работа. У него раньше не было работы. Быть в подчинении шефа. Работать в команде. И все такое. Реальность. Вставать по утрам. Быть частью общества. Это не совсем то, что делают в двадцать четыре года.

Габриэлю Мёрку нравилось бодрствовать по ночам. Когда весь остальной мир спит. Думать получается лучше. В ночной тишине, освещаемой только светом монитора в доме. Или в комнате в доме. Габриэль не любил признаваться, что все еще живет в своей детской комнате у мамы. С отдельным входом и даже своей ванной, но его мать все еще жила в этом доме. Ничего крутого, и уж точно этот факт он не рассказывал в тех редких случаях, когда знакомился с новыми людьми или встречал старых школьных знакомых. Он знал и других хакеров, которые тоже жили с родителями. Но тем не менее.

Теперь все будет по-другому. Внезапно. Все изменилось очень быстро. Или это и есть то, чего он ждал всю свою жизнь? Он познакомился с ней в интернете всего семь месяцев назад, и вот она уже беременна. Теперь они переедут жить в

отдельную квартиру, и сейчас он стоит посреди улицы, получив работу в полиции. Габриэль Мёрк никогда не чувствовал себя особенно успешным, кроме того, что касалось компьютеров, – в этой области мало кто его превосходил. Но что касается обычной жизни... В школе он в основном держался особняком. Стеснялся, когда девочки подходили и звали его куда-то. В выпускном классе, когда его одноклассники напились до беспамятства на Трюанн, он остался дома. Следующей осенью он записался на пару предметов по информатике, но никогда не ходил туда. А что там делать? Он и так уже все знал.

Он нервно огляделся вокруг себя, но все еще не было похоже, что сейчас кто-то придет за ним. Может, это все была шутка? Эта работа в полиции? Сначала он подумал, что это кто-то из его кибер-друзей пошутил над ним. Он знал несколько человек, которые считали, что это очень забавно. Издеваться над чужими жизнями. Взламывать врачебные журналы. Взламывать адвокатские фирмы. Посылать сообщения случайным людям о том, что они беременны. Подделывать результаты тестов на отцовство. Творить всякое дерьмо. Габриэль был не таким хакером, но был знаком с парочкой таких. Вполне возможно, что кто-то пошутил над ним, но он так не думал. Парень, звонивший ему, звучал очень правдоподобно. Они нашли его имя в GCHQ[5 - GCHQ (англ. Government Communications Headquarters – Центр правительственной связи) – спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.] в Англии. МИ-6. Разведка. Габриэль Мёрк сделал, как и многие его знакомые: решил задачу, которая неожиданно появилась в интернете прошлой осенью. «Canyoucrackit». Для большинства людей это мнимый нерешаемый код. Сто шестьдесят пар чисел и букв и часы, тикающие к нулю, чтобы добавить напряжения. Габриэль был не первым, кто разгадал код, но недалеко от первого. Первым стал русский, черный хакер, который решил код всего через несколько часов после того, как его выложили в интернет. Габриэль Мёрк знал, что тот русский не решил сам код, а взломал его с обратной стороны, внутри сайта canyoucrackit.co.uk нашел html-адрес, который, скорее всего, должен оказаться ответом, – забавно само по себе, но на самом деле ничего сверхъестественного.

Габриэль Мёрк сразу же увидел, что это машинный код, X86, и что он ввел алгоритм RC4. Это было непросто, но те, кто написал код, конечно же, сделали некоторые препятствия к нему: например, они спрятали блок информации в файл PNG, то есть в саму картинку кода. Просто расшифровать цифры оказалось недостаточно. В любом случае, он потратил на все это пару ночей. Занятная задача. Ответ на код был не таким занятным, но тем не менее. Оказалось, что все это было пиар-акцией GCHQ, тестом для устройства на работу. Если

сможешь разгадать этот код, ты достаточно умен, чтобы работать у нас.

Он указал свое имя и описал, как разгадал код, – просто так, забавы ради. Пришел вежливый ответ, что да, задача решена верно, но, к сожалению, претендовать на работу могут только граждане Британии.

Габриэль Мёрк больше не думал об этом. Пока ему не позвонили в прошлую пятницу. Сегодня четверг, и он уже стоит здесь, с компьютером под мышкой, и собирается с кем-то встретиться, чтобы что-то сделать. Чтобы работать в полиции.

– Габриэль Мёрк?

Габриэль слегка вздрогнул и повернулся.

– Да?

– Привет, я Ким.

Мужчина, назвавший его по имени, протянул ему руку. Габриэль не заметил, откуда тот появился, может быть, оттого что выглядел он совсем обычно. Видимо, Габриэль ожидал увидеть синюю мигалку и сирену, или униформу, или какую-то суровость в том или ином виде, но человек, стоявший перед ним, мог быть кем угодно. Он был почти незаметен. Обычные брюки, обычные ботинки, обычный свитер расцветки, которая ничем не отличается от большинства. Габриэль понял, что это было нарочно. Гражданская полиция. Его научили быть незаметным. Внезапно возникать ниоткуда.

– Следуй за мной, мы пойдем наверх, – сказал человек, назвавшийся Кимом, и пошел впереди через улицу к желтому дому.

Полицейский провел картой по считывателю рядом с входной дверью и набрал код. Дверь открылась. Габриэль проследовал за ним к лифту – снова та же процедура: чтобы воспользоваться лифтом, тоже нужна карта. Габриэль стоял и исподтишка наблюдал за полицейским, пока тот набирал код. Габриэль не знал, что ему нужно говорить и нужно ли вообще. Он никогда раньше не был в полиции и никогда не видел лифтов с кодами. Полицейский, назвавшийся

Кимом, выглядел абсолютно спокойно, словно это было самое будничное дело. Забрать на улице нового, совершенно незнакомого коллегу. Набирать коды в лифтах. Они были одинакового роста, но полицейский был более подтянутым, под всей этой маской незаметности было видно, что он неплохо тренирован. Короткие темные волосы, плохо выбрит. Габриэль не понял, специально ли так или он просто не доставал бритвой до некоторых мест. Он не решался рассматривать слишком долго, но успел заметить краем глаза, как полицейский подавил зеवоту. Долгие дни на работе. Наверно, сложные дела.

Лифт остановился на четвертом этаже, и полицейский вышел первым. Габриэль последовал за ним по длинному коридору к двери, которая тоже открывалась картой и кодом. Никакой вывески. Ни «Полиция», ни какого-нибудь другого обозначения. Полная анонимность. Мужчина открыл последнюю дверь, и они оказались внутри. Офисы были не такие уж большие, но открытые и светлые. Несколько столов в одном помещении, и небольшие кабинеты тут и там, большинство со стеклянными стенами, другие с опущенными шторами. Никто не обратил внимания, что они зашли, все были заняты своими делами. Габриэль прошел вслед за полицейским через офис к небольшому кабинету, одному из тех, что со стеклянными стенами. Он будет сидеть на всеобщем обозрении, но, по крайней мере, у него будет свой угол.

– Это твой кабинет, – сказал Ким и впустил Габриэля внутрь.

Он был скромно обставлен. Стол, лампа, стул. Все выглядело совершенно новым.

– Ты отправил список для заказа нужного тебе оборудования?

Габриэль кивнул.

– Стол и лампа из ИКЕА?

Первый раз полицейский проявил какую-то эмоцию. Он подмигнул и хлопнул Габриэля по плечу.

– Ну, вообще нет, там было не только это, – сказал Габриэль.

– Да я шучу. Парень из техподдержки едет сюда, он зайдет к тебе в течение дня. Я собирался показать тебе все тут и познакомить со всеми, но мы не успеваем. У нас брифинг через пять минут. Ты куришь?

– Курю?

– Да, ну, сигареты?

– Э-э-э, нет...

– Вот и хорошо. Тут не так много правил, но есть одно – когда Холгер Мунк курит на веранде, другим туда ходить не стоит. Холгер Мунк там думает, и ему не стоит мешать. Хорошо?

Полицейский вывел Габриэля из маленького кабинета и показал в сторону веранды. Габриэль увидел человека, стоявшего снаружи, – вероятно, это Холгер Мунк, начальник. Тот самый, который звонил ему и через десять минут уже взял на работу. В полицию. Не беспокоить шефа, когда тот курит. Окей, Габриэль вообще-то и не думал кого-то беспокоить или делать что-либо, выходящее за рамки того, о чем его попросят. Вдруг он увидел девушку, стоявшую вместе с Холгером на веранде.

– О, черт, – вырвалось у него.

Он думал, что произнес это про себя, но Ким повернулся к нему.

– Что такое?

– Это Миа Крюгер?

– Ты ее знаешь?

– Что? Нет, ну, я с ней не знаком, но как бы да, слышал о ней.

– Да, а кто ж не слышал, – хохотнул Ким. – Миа очень талантлива, без сомнения. Она – это нечто особенное.

– А правда, что она всегда носит только черную и белую одежду?

Габриэль задал вопрос, не задумываясь, – любопытство взяло верх, – но тут же разозлился на себя. Непрофессионально. Как сопляк. Он и забыл, что только что получил работу. Ким, наверно, подумал, что он какой-то фанат, и в какой-то степени так и было, но уж точно не таким образом Габриэль хотел предстать перед коллегой в свой первый день на работе.

Ким пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

– Ммм, не припомню, чтобы она когда-нибудь была в чем-то другом, а что?

Габриэль немного покраснел, потупившись.

– Нет-нет, просто прочел в интернете...

– Не стоит верить всему, что пишут, – улыбнулся Ким и вынул из кармана конверт. – Вот твоя карта, код – дата твоего рождения. Переговорная в конце коридора. Мы начинаем через пять-десять минут, не опаздывай.

Ким подмигнул, еще раз хлопнул Габриэля по плечу и оставил его одного в маленьком кабинете.

Габриэль не знал, что ему делать. Стоять, или сесть, или, может, убежать домой и забыть обо всем этом. Найти другую работу, заняться чем-то другим. Он чувствовал себя не в своей тарелке. И как можно прийти вовремя примерно через пять-десять минут?

Он открыл конверт и с удивлением обнаружил там пропуск со своей фотографией.

Габриэль Мёрк.

Отдел по расследованию убийств.

Внезапно он ощутил гордость. Потайные двери. Секретные коды. Специальный отдел. И он внутри всего этого? И разве это не сама Миа Крюгер только что

стояла на веранде? Он решил пойти в переговорную через несколько минут. Лучше, наверное, прийти пораньше, чем минута в минуту в этом мистическом месте.

15

Фермер Том Лауритц Ларсен из Тангена изначально крайне негативно относился к интернету. Но когда в доме поселился его молодой сменщик, Юнас, он потребовал, чтобы шестидесятилетний крестьянин провел интернет. А если он этого не сделает, Юнас не будет работать на ферме. Том Лауритц Ларсен, конечно, разозлился, он всегда был раздражен, улыбаться особо не было причин, а теперь как назло еще и эта болезнь легких. Больничный? Что за чепуха? Хоть кто-нибудь в его семье когда-нибудь брал больничный? Что себе думает этот врач идиот? Он что, считает, что Том не справится со своим хозяйством? Два поколения фермеров разводили свиней в Тангене, и никто ни разу не был на больничном и не брал за него деньги у государства. Но Том начал падать в обморок. Часто и всюду. Последний раз он свалился в свином хлеву с открытой дверью. Когда он очнулся, вокруг него собрались соседи, а свиньи разбежались по деревне, и Том Лауритц Ларсен так расстроился, что на следующий день последовал совету врача. Поехал на обследования в больницу Хамара. Взял больничный. И получил сменщика через организацию по охране труда.

Сменщик, девятнадцатилетний паренек из Станге, был замечательным работником. Тому Юнас сразу понравился. Он был не из тех жеманных мальчиков, ничего не умевших делать, – нет, у него было все, что нужно. Только вот этому интернету Том Лауритц Ларсен не доверял. Но из-за девятнадцатилетнего парня пришлось установить. У того была девушка на западе страны, телефонные счета дорогие, а по интернету можно болтать бесплатно, и даже можно увидеть друг друга, и теперь он это узнал. Как бы то ни было, провайдер прислал парня из Хамара, и вот уже несколько месяцев на маленькой ферме работает интернет.

Том Лауритц Ларсен налил себе еще чашечку утреннего кофе и зашел на интернет-страницу Норвежской организации по защите интересов крестьян. Там была очень интересная статья, он видел ее накануне вечером, но хотел перечитать еще разок. Статья освещала статистику в области свиноводства. С

2007 года один из четырех фермеров, разводивших свиней, закрыл свое хозяйство по причине нерентабельности. Среднее число свиней в оставшихся хозяйствах равно примерно 53,2 свиньи, в то время как в прошлом году оно составляло 51,1. Не нужно быть гением, чтобы понять, что происходит. Большие фермы расширяются, а маленькие закрываются.

Том Лауритц Ларсен снова подошел долить себе кофе, но замер у окна с чашкой в руке. Как вдруг из сарая как ошпаренный выбежал Юнас. Что с ним стряслось? Ларсен пошел к выходу и столкнулся с парнем в дверях. У Юнаса, взмокшего, бледного, в глазах была такая паника, как будто он увидел привидение.

– Святые угодники, с тобой все в порядке?

– Т-а-а-а-а-м... Крист-и-и-и... Кристи-и-и...

Парень не мог выговорить ни слова. Он размахивал руками как сумасшедший. Ларсен прошел через двор, как был, в тапочках и с чашкой кофе в руке. Они зашли в сарай и подошли к одному из закутов. Зрелище, ожидавшее их, было настолько ужасным, что после этого Ларсен несколько месяцев не мог толком рассказать, что же он увидел. Он выронил чашку и даже не заметил, как горячий кофе потек по ноге.

На полу в закуте лежала одна из его свиней, Кристине. Мертвая. Но там была не вся туша. Осталось только тело. Кто-то отрезал голову. Электрической пилой. Распилил ей шею. У свиньи больше не было головы. Только тело.

– Звони ленсману[6 - Глава полицейского участка, норвежский шериф.], – сказал Том Лауритц Ларсен Юнасу, и это было последнее, что он помнил перед обмороком.

В этот раз не из-за проблем с легкими.

Сара Киесе сидела в приемной адвокатской фирмы на Тейен в крайне раздраженном настроении. Она ясно дала понять адвокату, что не хочет ничего из наследства своего мужа. Да и какое там наследство? Дети от других женщин? Письма от кредиторов с требованиями заплатить долги? Сара Киесе была далеко не идеальной, но по сравнению со своим недавно почившим мужем она просто ангел. Как же она сглупила, когда завела ребенка от этого идиота. Ей было стыдно тогда и все еще стыдно сейчас. Она не только родила от него ребенка, но еще и вышла за него замуж, боже мой, какой же душой надо было быть. Она вспомнила их первую встречу в пабе в Грэнланде, когда он стал перед ней заискивать. Он сразу не понравился ей, но Сара была слаба. Она покупала ему пиво и напитки, какого черта, вот же дура. Ну да ладно. Теперь все кончилось. Она всегда будет любить дочку, ведь та не имеет ничего общего с этим идиотом. Когда он вообще бывал дома? Только когда хотел взять у нее денег? Одолжить в то или иное дело? Вообще-то он был слесарем, но была ли у него постоянная работа? Или своя фирма? Ничего подобного, никогда никаких планов, никаких амбиций, только мелкие халтурки там-сям, подзаработать пару сотен крон между прочим. Он всегда приносил в дом запах других женщин. Даже не удосуживаясь помыться, ложился на только что застеленные чистые простыни. Сару Киесе начинало тошнить при мысли об этом, но, к счастью, теперь все позади. Он выпал из окна десятого этажа одного из новых зданий около Оперы. Скорее всего, нашел себе очередную паршивую работенку, как часто бывало по вечерам. Сара Киесе радовалась, думая о том, как больно должно было ему падать десять этажей вниз. Когда она получила сообщение о смерти, ее радости не было предела. Пятьдесят метров свободного падения и смерть, потрясюще. Наверно, за это время он успел страшно запаниковать? Сколько могло длиться падение? Восемь-десять секунд? Замечательно.

Она раздраженно посмотрела на часы в приемной и перевела взгляд на дверь в кабинет адвоката. Нет-нет-нет, – сказала она, когда тот позвонил, – я не хочу иметь ничего общего с этим идиотом, но этот подозрительный адвокат настоял. Вот же мерзавцы, вся их шайка. Никогда она больше не захочет быть с мужчиной, только если он не кронпринц. Да и тогда не стоит. Никаких мужчин. Только она с дочкой, в новой маленькой квартирке на площади Карла Бернера. Идеально. Только ее запах под одеялом, а не пятьдесят чужих дешевых духов, смешанных со зловонием. Почему она вообще согласилась сюда прийти? Разве не этому ее учили на курсах, предложенных ей органами социальной опеки? Говорить «нет», очерчивать круг вокруг себя, ты лучший друг самому себе, тебе не нужен никто другой. Нет, нет, нет, нет.

– Сара! Здравствуйте! Спасибо, что пришли.

Подозрительный адвокат с лысиной, обрамленной остатками волос, высунул голову и позвал ее в кабинет. Он напоминал ей маленькую мышь. Нет, не мышь – крысу. Уродливую маленькую трусливую помойную крысу.

– Я от всего отказалась, – сказала Сара.

– Я знаю, – заискивающе произнесла помойная крыса. – Но я безмерно благодарен, что вы все-таки пришли. Это очень важно. – Он немного покашлял. – Я пропустил одну маленькую деталь в разделе наследства, это, конечно же, моя ошибка.

– Еще письма от кредиторов? Новые вызовы в суд?

– Хе-хе, нет-нет, – кашлянула крыса, сложив пальцы. – Вот, смотрите.

Он выдвинул ящик стола и положил перед ней флешку.

– Что это такое?

– Это вам, – сказала крыса. – Он отдал ее мне некоторое время назад, спросил, не смогу ли я вам ее передать.

– Почему он сам ее мне не отдал?

На лице помойной крысы мелькнула улыбка.

– Может быть, потому что в последний раз, когда он появился в вашей квартире, он получил горячим утюгом по лицу?

Сара внутренне улыбнулась. Он проник в квартиру. Застал ее врасплох. Внезапно оказался посреди гостиной. Хотел быть милым, как всегда, когда ему было что-то нужно. Утюг встретился с разинутым ртом со всего размаху. Он не успел среагировать. С тех пор она не видела и не слышала этого идиота.

– Я давно собирался отдать ее вам, но был очень занят, – сказала крыса почти извиняющимся тоном.

– Вы имеет в виду, что он обещал вам за это заплатить, но денег вы так и не получили? – спросила Сара.

Адвокат улыбнулся.

– В любом случае, на этом мы, наверное, закончим.

Сара Киесе взяла флешку, положила ее в сумку и пошла к двери. Крыса привстала со стула и кашлянула:

– Да, да. В остальном у вас все хорошо, Сара? Все в порядке?..

– Пошел к черту, – сказала Сара Киесе и вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

На пути домой, в новую квартиру на площади Карла Бернера, она несколько раз порывалась выбросить флешку. Выкинуть ее в мусор и покончить с ним, но она не сделала этого. По какой-то непонятной причине. Не потому что ей было любопытно. Саре Киесе было на сто процентов наплевать, что на флешке. Наверное, потому, что Сара была правильная. Хотя он и крыса, но все же адвокат. Хотя он и был идиотом, но все же у него есть последнее желание. Отдать флешку Саре и только Саре.

Она закрылась в квартире и включила компьютер. Черный ноутбук медленно вышел из спящего режима. Она вставила флешку и скопировала содержимое на рабочий стол. На ней был только один файл с названием Sarah.mov. Кусочек видео. Ну что же. Видимо, ей придется посмотреть на его кривую рожу еще раз. Даже из могилы он умудряется ее мучить. Она дважды кликнула по файлу, и видео запустилось.

– Сара, у меня мало времени, но я должен сделать это. Мне нужно рассказать об этом кому-нибудь, потому что это все неправильно.

Он провел камерой вокруг себя.

– Я получил предложение о работе, и вот – я построил это. Я далеко в...

Тут начались странные звуки, треск, как будто он держался за микрофон в своем телефоне, и она не расслышала его слова. Бывший муж продолжал снимать, пока говорил. Он построил что-то, ну и что теперь?

– ...и я боюсь того, что я на самом деле построил. Видишь? Я глубоко под землей. Я думал, это какое-то убежище, но нет, посмотри: тут есть маленький люк.

Голос снова пропал в шуме и треске, пока он продолжал записывать видео. Какое-то убежище под холмом.

– ...я чувствую, что здесь что-то не то, что-то странное. Посмотри сюда, вот. Посмотри. Можно поднимать вещи вверх и вниз. Как в старых лифтах для еды...

Вдруг бывший муж вздрогнул и огляделся вокруг. Весь отрывок напомнил ей фильм, который она смотрела несколько лет назад, «Ведьма из Блэр», там молодежь бегала по лесу и снимала свой страх на видео.

– ...черт побери, я знаю, со мной должно что-то случиться, я просто чувствую это. Ты знаешь, сколько я тут нахожусь? Ты можешь записать все, что я говорю, Сара? Где я и как я получил эту работу, а потом ты сможешь пойти в полицию, если со мной что-то случится? Эту работу мне дал...

Снова треск. Сара Киесе не разобрала ни слова из речи умершего мужа, только видела его испуганные глаза и рот, дрожащий и мелящий языком. Это продолжалось еще минуту, и видео кончилось.

Ну и кого же ты трахнул, чтобы получить эту работенку? Или это и была расплата? Во всяком случае, никаких денег я не видела. Помочь тебе, говоришь?

Ей было крайне неприятно смотреть это видео, но она почувствовала, что не в состоянии вмешиваться в это. Это все могло быть совершенной чепухой, чьей-то идиотской шуткой. Она давно уже не верила ни во что, что делал этот идиот.

Сара удалила видео с рабочего стола, вынула флешку, выкинула ее в мусорное ведро, вышла в коридор и выбросила мусор в мусоропровод. Вот так. Теперь дом снова чист. Только ее дом. Никаких его следов.

Скоро дочка придет из школы. Жизнь прекрасна. В этой квартире Сара главная. Она вышла на веранду и закурила. Положив ноги на стол, улыбнулась про себя, закрыла глаза и стала наслаждаться наконец-то выглянувшим весенним солнцем.

Ее жизнь. Ничья больше. Наконец-то.

17

Габриэль Мёрк как раз собирался идти в переговорную, когда в дверь постучали.

– Да?

– Привет, Габриэль.

Холгер Мунк зашел в комнату и закрыл за собой дверь. Габриэль приветственно кивнул и пожал большую теплую руку Мунка.

– Эээ, да. – Мунк пригладил волосы. – Ты, видимо, еще не получил необходимое оборудование?

– Нет, не получил, – сказал Габриэль. – Но, он сказал, ну, это...

– Ким?

– Да, Ким сказал, что оно скоро будет.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал Холгер Мунк и почесал бороду. – До тебя у нас тут работал один парень, но он не прошел испытательный срок. Жаль, но что поделать.

Габриэлю стало интересно, что за испытательный срок не прошел его предшественник, но не стал спрашивать. Что-то было во взгляде Мунка. Он уже видел этот взгляд у другого полицейского, Кима. Тяжелый, серьезный, словно

мыслями он где-то в другом месте.

– Я прошу прощения за этот неортодоксальный порядок приема на работу. Обычно я встречаюсь со всеми, кого собираюсь нанять, но сейчас совсем нет времени, к сожалению...

– Все в порядке, – ответил Габриэль.

– Тебя очень рекомендовали, – кивнул Мунк и хлопнул Габриэля по плечу. – Извини, мы тут сейчас все в стрессе, не знаю, в общем. Ким дал тебе информацию?

Габриэль помотал головой.

– Окей, ну ничего, мы постепенно введем тебя в курс дела. Ты читал сегодняшние газеты?

– Да, в интернете.

– Заметил какие-то особенные новости, выделяющиеся из других?

– Две девочки, которых все ищут?

Мунк кивнул.

– Мы с Мией скоро дадим всем полный отчет об этом. Просто чтобы ты знал, о чем пойдет речь. У тебя ведь нет опыта работы в полиции?

Габриэль помотал головой.

– Не думай об этом особенно. Я выбрал тебя из-за твоих навыков, – продолжил Мунк. – Как я уже говорил, если бы у нас было время, мы бы провели тебе краткий курс по работе в полиции, но мы не успеваем, поэтому тебе придется просто приспосабливаться ко всему по ходу дела. А если что-то будет неясно, сразу спрашивай у меня, хорошо?

– Да, конечно, – кивнул Габриэль.

– Отлично, – пробормотал Мунк, снова уносясь мыслями далеко. – Что ты подумал, кстати?

– О чем? – спросил Габриэль.

– Когда читал новости сегодня.

– А-а-а, да, – ответил Габриэль, покраснев: надо было бы сразу понять, что шеф имеет в виду. – Наверное, я подумал о том же, о чем и все остальные. Я был в шоке. Я следил за делом об исчезновении двух девочек и надеялся, что их обнаружат живыми...

Габриэль подумал о заголовках газет.

Паулине и Юханне найдены убитыми...

Как две куклы на деревьях...

Горе в семьях...

Был замечен белый «ситроен»...

Если вы видели эту одежду...

– Вы это имели в виду?

– Что?

Мунк снова на минуту выпал из жизни.

– Надо сказать больше?

– Нет, все хорошо, – ответил Мунк, положил руку ему на плечо и пошел к двери. – А хотя, знаешь, продолжи немного.

Мунк дал Габриэлю знак присесть, а сам прислонился к стеклянной стене.

– Я точно не знаю... – сказал Габриэль, – но когда я проснулся сегодня утром, я был, ну, обычным парнем, не знал, что это будет дело, над которым я буду работать.

Слова странно ощущались во рту. Работать. Над делом. Над делом об убийстве. Газеты пестрели заголовками. По телевизору тоже только и говорили о двух девочках, которых не могли найти две недели и которых искала вся Норвегия. Очевидно, что полиция знала больше, чем сообщали СМИ. Они искали кого-то, кто видел одежду девочек раньше. Платья, в которых их нашли. Платья для кукол. Между строк читались слова, которые еще не использовали, ведь это Норвегия, а не США или какая-нибудь другая страна, где такое случилось. Серийный убийца. Никто не употреблял это выражение, но, тем не менее, все об этом думали.

– Я подумал, что это один и тот же убийца, – сказал Габриэль.

– Ага, дальше.

– Еще я подумал, что это все не очень-то по-норвежски.

– Именно. Давай дальше.

– И я подумал, как я рад, что это не дети кого-то из моих знакомых.

Мунк сделал знак продолжать.

– Странно, что обе девочки собирались осенью в первый класс. Сначала я подумал, что тут замешан какой-нибудь учитель. Потом я подумал, что могут исчезнуть и другие девочки. Ну и наконец, если бы у меня была дочка шести лет, я бы особенно внимательно присматривал за ней.

– Что ты сказал? – сказал Мунк, снова проснувшись.

– Если бы у меня была дочка шести лет, я бы особенно внимательно смотрел за ней.

– Нет, перед этим.

– Возможно, пропадут и другие девочки. Я подумал, что может быть тут замешан какой-то учитель.

– Хммм, – сказал Мунк, погладив бороду.

Он пошел к двери.

– А, кстати. Ты хорошо расшифровываешь коды?

Габриэль улыбнулся.

– Я думал, вы поэтому и наняли меня.

– Ну, в общем-то, да, – улыбнулся в ответ Мунк.

Он засунул руку в карман брюк и вытащил листочек с нацарапанной надписью.

– Это не приоритетное задание, это личное, но я подумал, что ты мог бы помочь мне с ним.

Мунк отдал листочек Габриэлю.

– У меня есть пара друзей-ботанов, которые любят присылать мне задачки. Один из них прислал вот это, но я не могу разгадать.

Габриэль посмотрел на бумажку:

bwlybjlynwnztirkjao=5

– Ты понимаешь, что это? – спросил Мунк с любопытством.

– Ну, пока нет, – пробормотал Габриэль.

– Он пытал меня несколько дней, – вздохнул Мунк. – Но видимо, придется мне сдаться. Посмотри, что ты сможешь из этого вытащить, ладно? Бесит, когда эти ребята ставят меня в тупик. – Мунк рассмеялся и снова хлопнул Габриэля по плечу. – Но это не приоритет, это лично мое задание, ладно?

– Конечно, – кивнул Габриэль.

Мунк снова пошел к двери и на этот раз даже успел выйти в коридор, прежде чем вернуться и просунуть голову в дверной проем.

– Перенесем брифинг на попозже, хорошо?

– Конечно, – кивнул Габриэль и сел изучать листочек, который только что получил от Мунка.

18

Бенджамин Бах не мог скрыть разочарование, когда не нашел своего имени в сегодняшнем номере «Верденс ганг». В газете собрали лучшие наряды года, в прошлом году он был на третьем месте после Мортена Харкета и Ари Бена, а в этом его вообще не было в списке. Твою мать. Актер изо всех сил ударил рукой по стене гардероба, но тут же пожалел об этом. Было больно и очень громко. Тут же в дверь примерки постучали – это была Сюсанне, ассистент режиссера.

– Бенджамин, все в порядке? У тебя что-то разбилось?

Бенджамин спрятал ушибленную руку в карман и нацепил на себя свою лучшую улыбку. Он ведь актер, несмотря ни на что.

– У меня все отлично, может, это у Тронда-Эспена?

– Хорошо, – улыбнулась Сюзанне. – Через пятнадцать минут репетиция, третий акт с начала.

– Быть или не быть вовремя, вот в чем вопрос, – подмигнул Бенджамин.

Ассистент режиссера хихикнула и снова исчезла. Наверное, он преувеличивает, но ощущение адское. Он же был в списке в том году, что стало не так теперь? Он ведь был так внимателен к одежде! Даже нанял стилиста и пиар-менеджера, чтобы они помогали ему со всем этим. Хорошо выглядеть. Сделать фото в правильной обстановке. С правильного ракурса. Он вздохнул и сел перед гримерным зеркалом. Он несильно изменился за год. Крошечные морщинки около глаз. Может, чуть выше залысины. Он наклонился и внимательно посмотрел на свои волосы. Выглядит не очень, явно сдвинулись на пару миллиметров вверх с тех пор, как он последний раз проверял. Он зачесал волосы набок, стало лучше. Сделал пару голосовых упражнений. Разогрел горло, надул губы самому себе в зеркале.

Он начал работать в Национальном театре почти восемь лет назад. Рождение новой звезды, – писали в «Дагбладе» после того, как он сыграл Эстрагона в пьесе Самюэля Беккета «В ожидании Годо», и с тех пор он в основном получал главные роли, по крайней мере, в первые годы. Он играл Ромео. Играл Пер Гюнта. Сейчас они ставят шекспировского «Гамлета», и он также надеялся на главную роль. Быть или не быть. Но ему досталась всего лишь роль Горацио. Гамлетом будет, конечно же, Тронд-Эспен. Бенджамин не понимал, почему так. Ведь он же много выше, как актер.

О, мой господин.

Ему это ужасно не нравилось. Играть в тени Тронда-Эспена. Чертов Горацио, никто и не узнает его, ведь в основном у него диалоги с Гамлетом. Стоять и кланяться, относиться к Тронд-Эспену, как к королю, – нет, ему это не нравилось.

Бенджамин Бах поднялся и взглянул на свое тело в зеркале. Он выглядел очень хорошо. Настроение немного улучшилось. Последние тренировки давали результаты. И йога. И уход за кожей – на ней ни пятнышка.

Он снова сел на стул и продолжил разогревать речевой аппарат, когда по внутренней связи раздался голос режиссера:

– Мы готовы прогнать третий акт. «Гамлет», «Гамлет», третий акт с начала, через пять минут.

Бенджамин Бах закончил упражнения, вышел из гримерной и направился на главную сцену.

19

Габриэль Мёрк сидел в дальнем ряду переговорной и ждал начала брифинга. Он со всеми познакомился, всем пожал руки, поклонился, поприветствовал, не запомнив большинства имен. Там был Ким, забравший его на улице, девушка с длинными светлыми волосами, которую звали Анетте, еще было трое молодых людей, их имена он не запомнил, и один мужчина постарше, его звали, кажется, Людвиг.

Холгер Мунк вошел в комнату в сопровождении Мии Крюгер. Миа уселась на стул перед всеми, а Холгер подключил проектор к своему ноутбуку.

– Привет всем. Сегодня у нас первый брифинг, все на месте, вся наша команда в сборе, и нам это очень нужно. Как уже говорилось, у нас несколько новых лиц, добро пожаловать. Те, кто работает здесь давно, помогите новичкам включиться в работу, чтобы мы получили максимум пользы друг от друга. Прошло десять дней, как мы нашли Паулине Улсен, и восемь дней с момента обнаружения Юханне Ланге. После ряда попыток не сообщать ничего СМИ, мы решили использовать их себе на пользу. Как вы уже наверняка видели, сегодня в газетах напечатали фотографии платьев, в которых были девочки.

Холгер сделал небольшую паузу и посмотрел на собравшихся. Габриэлю показалось, что за серьезностью в глазах он разглядел тень улыбки.

– Вообще-то нам надо бы отпраздновать наше возвращение сюда, на Марибуэсгате, – кратко сказал Мунк, – но сейчас у нас есть дела поважнее, так

что это мы сделаем позже.

Габриэль огляделся. Хотя настрой тут был и серьезный, он увидел улыбки и довольные лица вокруг. Без сомнения, все члены команды были очень рады видеть друг друга.

– Некоторые из вас были с нами с самого начала, а некоторые только пришли. Поэтому я расскажу вам все в подробностях. Хочу добавить, что вся сводка сегодняшней встречи будет лежать на сервере в общем доступе. Мы просим каждого из вас выкладывать туда всю информацию, которую вы найдете. Когда у всех есть доступ к данным, работа идет быстрее, а нам проще писать отчеты.

Мунк включил компьютер, и на экране появилась первая фотография. Это были не те фото, что утром напечатали в газете, с двумя кукольными платьями. На фотографиях были висящие на деревьях девочки в этих платьях. Габриэль никогда не видел ничего подобного, и только сейчас до него дошло, чем ему предстоит заниматься. Это не кино. Не по телевизору. Это реальность. Двух маленьких девочек больше нет. Кто-то лишил их жизни. По-настоящему. Они больше не дышат. Они больше никогда не будут разговаривать. Улыбаться. Они никогда не пойдут в школу. Габриэль Мёрк старался сохранять спокойствие, заставил себя посмотреть на фотографии, но в животе что-то мерзко зашевелилось. Он уже чувствовал себя выбитым из колеи. Не хватало только упасть в обморок на первом брифинге.

– Паулине Улсен и Юханне Ланге, – сказал Мунк. – Шесть лет. Собирались в первый класс осенью. Паулине пропала четыре недели назад. Юханне – три недели назад.

Новые фотографии, несколько карт.

– Паулине пропала из детского сада Шёйен Киркес и была найдена в Маридалене. Юханне пропала из детского сада Лилле Экеберг и была найдена в лесу, недалеко от Хаделандсвейен. Точное время смерти девочек установить довольно трудно, но все указывает на то, что их держали в плену живыми достаточно долго, прежде чем как надеть на них эти костюмы и оставить так, как мы их нашли.

Мунк снова нажал на клавишу, появились новые фото. Габриэль больше не мог смотреть и уставился на свои ботинки.

Боже мой. На что я подписался? Этих девочек нашли мертвыми. По-настоящему. Жертвы чьей-то гротескной игры.

Он захотел обратно в свою постель, почувствовал, что его жизнь изменилась буквально за несколько минут. Лучше бы он никогда не видел этих фотографий. Лучше бы он не знал, что есть такие люди. Которые делали такое. Внезапно ему стало очень тяжело. Нахлынула такая печаль, какой он раньше никогда не чувствовал. Он знал, что такие вещи происходят, но тем не менее, не знал этого. Это было очень реально – нет, чересчур реально, чертовски реально, вот как это было. Габриэль тяжело вздохнул и попытался сконцентрироваться, чтобы сидеть спокойно.

– Никаких признаков сексуального насилия, – продолжал Мунк. – Девочек помыли, постригли им ногти, вымыли и расчесали волосы. У обеих на шеях были ленточки из «Норвиджиан» с надписью «Я путешествую одна». У обеих – школьные рюкзаки на спинах. Обе умерли от передозировки наркоза. Никаких сомнений, что это сделал один и тот же преступник и что и похищения, и убийства были тщательно спланированы. Паулине нашел человек по имени Вальтер Хенриксен, он есть в нашем регистре, но не за подобные вещи: два раза вел машину в нетрезвом виде пару лет назад – нет никаких причин полагать, что он замешан. Юханне нашли два брата, Тобиас и Торбен Иверсен, тринадцати и семи лет. У мальчиков есть отчим, Микаэль Франк, также наш знакомый, – сидел шесть месяцев за что-то мелкое, но также нет причин полагать, что кто-то из них замешан. Опрос жителей близких к местам обнаружения районов пока особо ничего не дал, но, как вы уже знаете, была замечена машина, белый «ситроен» неизвестной модели.

Мунк снова нажал на клавишу, и теперь на экране появились те фотографии, что были в газетах. Мунк сделал глоток из бутылки «Фарриса», стоявшей перед ним на столе.

– Платья – это копии платьев для кукол, специально сшитые под размер девочек. Если преступник сшил их сам, нам это, вероятно, ничего не даст, но мы надеемся, что он или она поручили эту работу кому-то другому, кто не знал, для чего их будут использовать. Поэтому мы и дали эти фотографии газетам, в надежде, что кто-то узнает эти платья. Пока ничего нет, Анетте?

Мунк повернулся к светловолосой девушке.

– Ничего, – сказала Анетте. – Но еще рано.

– Конечно, – кивнул Мунк. – Анетте – это, для тех, кто не знает, связующее звено между нами и Грёнландом, вся связь идет через нее, тут у нас не будет никаких утечек. Есть еще одна причина, почему мы спрятались тут наверху, правда, Ким?

– Чтобы ты мог курить на веранде?

Раздался тихий смех.

– Спасибо тебе, Ким. Следи, чтобы не удариться затылком об дверь, когда будешь выходить отсюда. Но серьезно, я подчеркну это еще раз. Мы ни с кем не разговариваем. Ни с журналистами. Ни с коллегами из Грёнланда. Ни с родственниками, ни с женами, ни с друзьями, ни с девушками, ни с сожителями, ни с возлюбленными, или, в твоем случае, Ким, с твоей собакой.

Все снова рассмеялись. Габриэль Мёрк огляделся. Он не мог понять, как они могли смеяться, но потом до него дошло, что это единственное, что они могут сделать. Дистанция. Они держат эмоциональную дистанцию. Если не держать ее, они не смогут ясно смотреть на вещи, не смогут хорошо выполнять свою работу.

Не переживай слишком сильно. Не впутывай в дело эмоции.

Он сделал глубокий вдох и попытался немного посмеяться про себя.

– Знаем только мы, – продолжил Мунк. – И мы держим это при себе. Нам окажут любую помощь, которая потребуется, нужно только сообщить Анетте. Все что угодно, попросите Аннете, нам предоставили неограниченные ресурсы.

– Что значит «неограниченные»? – спросил Ким.

– Это значит – вообще без границ. Переработки, машины, техника, персонал... Это дело является не только приоритетом для нас и для Грёнланда, оно касается

всей нации. Приказы поступают от верхних чинов, и я имею в виду не Миккельсона.

– Министерство юстиции? – спросил один из мужчин, имени которого Габриэль не запомнил.

– В том числе, – кивнул Мунк.

– Премьер-министр? – продолжил тот.

– Да, офис премьер-министра в курсе.

– Разве не в этом году выборы? – ухмыльнулся человек с бритой головой.

– У нас всегда выборы, Карри, – улыбнулся Ким.

Карри. Вот как они его называют. Габриэлю сначала послышалось женское имя Кари.

– Мне абсолютно наплевать, что вы двое думаете о премьер-министре, – продолжил Мунк чуть напряженным голосом. – Эти девочки могли быть нашими детьми, и в горе не только мы, но и вся страна, посмотрите в интернете, в новостях, все в шоке и в трауре. Мы ищем преступника не только для того, чтобы восстановить справедливость для семей девочек. В стране исключительная ситуация, люди напуганы до смерти, поэтому мне глубоко наплевать на твою политическую позицию, Карри, в этом деле за нами стоит все правительство и, как я уже сказал, неограниченные ресурсы. Наша работа – не расследовать политические мотивы, а найти преступника, это понятно?

На минуту в комнате изменилось настроение. Тот, кого звали Карри, больше не говорил, только наклонил голову и перебирал пальцы. Габриэль не видел Мунка таким. И по телефону, и тут, в офисе, он был очень добрым и спокойным, уютным, как большой плюшевый мишка. Темный взгляд и мрачная речь. Габриэль начал понимать, почему именно Мунк, а не кто-либо другой, был здесь начальником.

– Как вы все уже поняли, Миа снова с нами, – продолжил Мунк снова в своем обычном настроении.

– Привет еще раз, – сказала Миа, до этого сидевшая молча. Она встала и подошла к экрану. Прозвучали разрозненные аплодисменты и свист. – Спасибо всем, я рада снова быть с вами.

Габриэль бросил быстрый взгляд на Мию, не смея смотреть слишком долго, чтобы не выглядело, будто он сидит и пялится на нее. Все это было для него уже слишком. Мертвые Паулине и Юханне на деревьях, а теперь сама Миа Крюгер стоит в нескольких метрах от него. Габриэль был не единственным, кто стал тогда ее фанатом. На фейсбуке было несколько страничек с ее фан-клубами. Может, их уже нет, он точно не знает, но тогда были. Он даже поставил «лайк» на одной из страничек, хотя как хакер он понимал, что все твои действия в интернете легко отслеживаются, до самых мелких деталей, поэтому он был очень осторожен с такими вещами. Ходили слухи о том, что Миа застрелила парня своей сестры, наркомана, газеты писали об этом деле несколько недель, пока оно не исчезло в тени новых происшествий. Конечный отчет гласил, что Миа не сделала ничего противозаконного, но, тем не менее, она исчезла из города на некоторое время.

Худая девушка с черными, цвета воронова крыла, волосами была одета в черно-белый свитер с горлом и узкие черные брюки с молниями на бедрах. Она выглядела уставшей, с тусклым взглядом и намного худее, чем на фотографиях в газетах. Миа Лунный свет. Кто-то так называл ее в интернете. В честь героини комикса, к которому Габриэль не питал особенной любви, он был слишком маленьким тогда, но, кажется, он назывался «Серебряная стрела». Одним из персонажей была очень красивая индианка, Лунный свет, в которую были тайно влюблены все маленькие мальчики в 80-х.

Он все равно не мог сдержаться и посматривал на нее. Миа Крюгер. В Норвегии не так уж много известных следователей, наверное, в этом дело. Красивая молодая голубоглазая норвежка, похожая на индианку, замешанная в громком скандале, – то что нужно для таблоидов. Ему ничего не оставалось, как немного пожалеть ее. Она выглядела действительно уставшей. Тонкие ноги в больших тяжелых мотоциклетных ботинках с цепочками, звеневшими при каждом движении. На одной руке у нее был серебряный браслет, а на другой – кожаный ремешок. В обсуждениях на фейсбуке предлагали различные варианты происхождения и того, и другого. Браслет, видимо, был подарком ее сестры,

умершей от передозировки. Про ремешок ходили слухи, что она забрала его у латыша, подозреваемого в убийстве девушки, которую он привез в Норвегию работать проституткой. Это было на заре ее карьеры, и латыш заставил ее проявить жалость. Она позволила ему сидеть на допросе без наручников. Он напал на нее с ножом, спрятанном в сапоге. С залитым кровью лицом она все равно отразила атаку и срезала кожаный ремешок с его руки его же ножом. Теперь она носит его, чтобы напоминать самой себе, что не надо быть слабой. Тогда она чуть не потеряла глаз. Габриэль увидел шрам у нее около века. Сплетни и истории. Он не знал, было ли что-то из этого правдой, но это привлекало. А теперь она стоит прямо перед ним. И они будут работать вместе.

Держа одну руку на поясе, Миа говорила тихо и осторожно. Габриэлю пришлось прислушиваться, чтобы понять, что она говорит.

– Все основное вы уже знаете. Но есть пара вещей, которые я вам покажу. Мы думаем, что они важны.

Миа щелкнула по клавиатуре и появилась новая фотография.

– Когда девочек нашли, на их спинах были школьные рюкзаки. В них были учебники. На каждом из них было написано имя. На учебниках Юханне Ланге стояло имя «Юханне». А вот на учебниках Паулине Улсен было написано «Ане ЙВ».

Новое фото на экране.

– Почему так?

Миа Крюгер улыбнулась.

– Спасибо, Карри, приятно видеть тебя все таким же терпеливым.

– Дай Мии закончить, – раздраженно сказал Мунк.

– В общем, на учебниках Юханне написано «Юханне». На учебниках Паулине – «Ане ЙВ». Как вы уже знаете, в этом деле нет ничего случайного. Все выглядит продуманным до малейших деталей. Преступник знал, что он делает, знал имена

девочек. Есть причины полагать, что он следил за ними долгое время до похищения. Но к этому мы еще вернемся...

Миа на секунду прервалась, покашляла и прижала руку плотнее к телу. Мунк встал и предложил ей глоток «Фарриса» из своей бутылки. Миа покачала головой и продолжила тихим голосом.

– Как вы знаете, нет сомнений, что эти два дела тесно связаны, но у нас также есть причины думать, что они связаны еще с одним делом – с делом, которое нам не удалось раскрыть несколько лет назад.

Она снова нажала на клавишу.

– В 2006 году из больницы в Хёнефоссе исчез ребенок. Несколько недель спустя шведский медбрат Йоаким Виклунд был найден повешенным в своей квартире. На полу под телом было найдено набранное на компьютере письмо, в котором он берет на себя вину за похищение. Ребенка так и не нашли. Дело закрыли.

Миа Крюгер снова остановилась. Все-таки сделала глоток «Фарриса». Она была не в форме. Теперь это было очевидно для всех. Эта обычно негибкая девушка дрожала. Выглядело это так, словно ей было трудно заставить голову работать.

– Мы с Холгером уверены, – продолжила она, отдышавшись, – что имя на учебниках Паулине, «Ане ЙВ», – это послание нам от преступника. Что он хотел им сказать, пока не совсем ясно, но мы думаем, что «ЙВ» – это Йоаким Виклунд, а «А не» просто-напросто означает «а не».

Все тихо забормотали. Очевидно, что все здесь глубоко уважали Мию и ее мозг.

Мунк снова взял слово.

– Это значит, что мы снова открываем дело Хёнефосса, по всему, что мы тогда выяснили, нужно пройти еще раз, все опросы, наблюдения, имена, связанные с этим делом, мы поднимем заново. Я хочу, чтобы ты взял это на себя, Людвиг, раз ты был с нами тогда на этом деле. И возьми с собой Карри, раз его тогда не было. Пара старых глаз в сочетании с парой новых должны хорошо поработать,

мне кажется.

Мужчина постарше, которого звали Людвиг, и тот, с бритой головой, Карри, который не мог удержаться от комментариев о политике, кивнули.

– Ну что же, это первое направление: Хёнефосс-2006, Людвиг и Карри. Второе направление – это платья. Анетте разбирается с откликами, пришедшими из Грёнланда, и координирует их со мной и Мией. Бывшие осужденные из регистра?

Холгер поднял глаза.

– Кюрре?

Высокий худой мужчина с черными короткими волосами и в больших очках поднял глаза от своих записей.

– Да, мы с Трондом занимаемся этим, но список небольшой. Пока что у нас есть только осужденные по делам о сексуальном насилии. Честно говоря, я не совсем понимаю, что именно мы ищем. Сталкивались ли мы раньше с чем-то подобным? Я имею в виду, серьезно? Я не сталкивался, во всяком случае. Мы прошлись по пересечениям в наших списках со списками наших друзей из Европы, особенно из Бельгии – у них есть имена всех, кто связан с Марком Дютру[7 - Марк Дютру – бельгийский серийный убийца, виновный в похищении, изнасиловании и убийстве девочек, самой старшей из которых было 8 лет.], но еще раз повторяю, это было дело о серьезном нападении, совсем непохожее на наше. На самом деле, они качают головой и не могут ничем помочь, но мы продолжим поиски.

– Хорошо, – кивнул Мунк. – А, забыл сказать вам одну вещь. У нас новая программа для базы данных, которая будет установлена в течение сегодняшнего дня. Все, что мы добавим туда, – имена, наблюдения, что угодно, – будет моментально проверяться по остальным доступным базам данных, нашим и другим. Если у кого-то возникнут проблемы при использовании, обращайтесь к Габриэлю Мёрку, нашему новому компьютерному гению. Все познакомились с Габриэлем?

Габриэль поднял голову, услышав свое имя, и увидел, что все повернулись к нему.

– Привет, привет, Габриэль, – раздалось со всех сторон.

– Привет всем, – ответил он немного нервно.

Было ощущение, что он снова в школе, что нужно вставать с места и что-то говорить, но, к счастью, этого не потребовалось. Он понятия не имел, о какой базе данных идет речь. Мунк посмотрел на него и едва заметно подмигнул.

– Я еще не успел рассказать тебе об этом, потом объясню, хорошо?

– Окей, – кивнул Габриэль и обрадовался, увидев, что Миа снова взяла слово.

– Я не знаю, заметил ли это кто-нибудь из вас. – Она нажала клавишу. – Мы увидели цифру на левом ногте мизинца, когда обследовали тело Паулине. Это римская цифра I. Как вы видите...

Новое фото на экране.

– У Юханне тоже была цифра, две черточки, цифра II на безымянном пальце левой руки.

– Черт подери, – внезапно прервал ее мужчина, которого звали Людвиг, пожилой человек в круглых очках.

– Да, видите? – кивнула Миа и посмотрела на него.

– Почему «черт подери»-то? – спросил Карри.

– Будут еще жертвы, – сказала девушка, которую звали Анетте.

В комнате повисла тишина.

– У нас есть все причины полагать, что Паулине и Юханне – это только две первые жертвы. И что будут еще. К сожалению.

Снова заговорил Мунк.

– Поэтому теперь мы должны быть чрезвычайно внимательны к сообщениям об исчезновениях. Шестилетние девочки, если они пропали хоть на полчаса, – мы должны тут же действовать, понятно?

Все кивнули.

– Мне надо покурить. Встретимся здесь же через десять минут.

Мунк достал пачку сигарет из кармана куртки и вышел на веранду в сопровождении Мии. Габриэль толком не понимал, что ему делать. Ему достаточно было фотографий двух убитых девочек. А теперь будут новые? Он несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоить сердцебиение, и вышел за кофе.

20

Лукас сел на свое место в приходе, на стул чуть повыше остальных у стены, с хорошим видом как на кафедру проповедника, так и на прихожан. Пастор Симон уже занял место перед алтарем, но еще не начал свою речь. Было похоже, что он думает о чем-то важном. Лукас и остальные прихожане сидели тихо, в большом белом зале не было слышно ни звука. Все напряженно ждали, когда же пастор Симон скажет, что у него на сердце. Седой проповедник был известен тем, что всегда тратил долгое время, чтобы наладить контакт с Господом, прочертить линии между Богом, самим собой и приходом, очистить зал от всего, что может помешать диалогу с небом. Все действо был красивым, ангельским, почти медитативным, – подумал Лукас, продолжая спокойно сидеть со сложенными руками.

Лукас очень любил слушать речи пастора Симона. Первый раз он услышал его случайно, больше двенадцати лет назад, в лагере на юге Норвегии. Приемная семья отослала Лукаса на каникулы к соседям, не было то ли денег, то ли желания брать его с собой в отпуск. Он не помнил точно, куда они собиралась. Куда-то на юг. В том лагере пятнадцатилетний Лукас начал чувствовать себя

крайне ненужным, ему казалось, что все вокруг очень странные. В общем-то, это был не первый раз, когда он чувствовал себя ненужным. Он переезжал из одной приемной семьи в другую с тех пор, как органы опеки забрали его из, так сказать, первоначального дома, и нигде не находил себе места. В школах было то же самое. Никаких проблем с предметами, а вот с другими учениками было тяжело. И с учителями. А может быть, в целом с людьми. Лукас восхищенно смотрел на пастора Симона, который продолжал стоять с закрытыми глазами, повернув ладони к небу. Лукас ощутил тепло. Светящееся тепло и мягкий ясный свет наполнили его тело и дали ощущение безопасности. Он вспомнил тот раз, когда впервые испытал это чувство, – в том лагере на юге Норвегии двенадцать лет назад. Он чувствовал себя не в своей тарелке, как будто у всех вокруг была тайна, в которую его не посвящали. Страх и беспокойство прочно засели внутри него, и как всегда бывает в таких случаях, голоса в голове начали просить его делать вещи, о которых нельзя говорить вслух. Но потом, как будто сам Бог осветил для него тропинку, он забрел в маленькую палатку на окраине лагеря. К маленькой белой палатке его привела полоса света, а также шептун, один из негромких голосов, – крикуны ему не нравились, но добрый шептун был непохож на них, он тихо говорил на этом иностранном языке: *sequeere via ad caelum*[8 - Латынь.]– следуй по дороге к небу. Через некоторое время он оказался внутри палатки, окруженный голосами, теплом и светом. Там, на подиуме в центре, стоял пастор Симон с ласковыми глазами и мощным голосом. С того момента Лукас был спасен.

Лукас взглянул на прихожан, сидящих в тишине и ждавших начала речи. Ему были знакомы все лица. Большинство пришедших были прихожанами уже много лет, но ни один не был им так долго, как Лукас. Тем летом он не вернулся домой, да никто особенно и не беспокоился. Теперь, двенадцать лет спустя, он повзрослел, достиг двадцати семи лет и стал правой рукой пастора Симона. Что-то вроде второго игрока в команде, помогавшего пастору во всех делах – и в личных, и в приходских. Работа у пастора Симона была для Лукаса смыслом жизни. Не было ничего, что он бы не сделал, если пастор попросит. Жизнь вообще-то ничто в сравнении с пастором Симоном. И если придет день, когда ему нужно будет умереть за пастора, он с радостью сделает это. Да и смерть вовсе и не смерть, для прихожан пастора Симона это всего лишь новый шаг к небу. Лукас улыбнулся, снова почувствовал прилив тепла и света в теле.

Он уже давно не слышал голосов в голове. Разве что иногда, но совсем слегка, не так тяжело и часто, как раньше, когда он был моложе. Тогда голоса, особенно крикуны, просили его делать вещи, которых люди делать не должны. Хотя он и пытался противостоять им, он точно знал, что крикуны ни за что не сдадутся.

Нужно было просто делать, что они говорят. Слушаться. Надеяться на лучшее. Однажды Лукасу пришло в голову, что шептуны и крикуны – это как Бог и Дьявол. Пастор Симон однажды сказал ему, что не бывает, чтобы один из них существовал без другого. Что эти два полюса вселенной и бесконечности неотделимы друг от друга. Что людям совсем не нужно бояться, ведь путь света все равно приведет их куда нужно. Если человек попадал под влияние Дьявола, это не вечный грех, а всего лишь доказательство существования Бога, а иногда голос Дьявола – это на самом деле голос Бога, проверка, испытание. Тем не менее Лукас был рад, что голоса, во всяком случае, крикуны, больше не появляются так часто.

Deo sic per diabolum.

Путь к Богу лежит через Дьявола.

Лукас хорошо знал, что это не было официальной позицией прихода. Это не прижилось бы среди новичков. Чтобы понять это, нужно быть одним из посвященных. Но и новички тоже нужны, чтобы сидеть вот так, как сегодня, перед ним в благоговейной тишине. Важны были посвященные. Те, кто понимает, что пастор Симон действительно имеет в виду под дорогой к свету. И Лукас был одним из них.

Вечер новичков. Лукас почувствовал радость при мысли о наступающих выходных. Они снова пойдут в лес. Вместе с другими посвященными. Честно говоря, Лукас не совсем понимал, зачем пастор Симон настаивал на этих собраниях новичков, у них ведь были и задачи поважнее, но, конечно, ему и в голову не могло прийти спорить с пастором. У пастора была связь с Богом, и он точно знал, что ему нужно делать и почему. Lux Domus. На выходных. Лукас сжал губы, чтобы сдержать стон от тепла и света, разливающихся по телу.

Наконец пастор Симон заговорил, и сам Бог явился в зал. Прихожане сидели как пригвожденные к стульям, позволив себе наполняться блаженством. Лукас уже слышал эту речь раньше, она была написана для новичков, красивая, но простая. Как уже говорилось, он с нетерпением ждал выходных. Lux Domus. Еще на шаг ближе к небу. Он закрыл глаза, позволив словам пастора наполнять себя, и через некоторое время все закончилось. Пастор уже стоял у выхода. Благодарные рукопожатия, склоненные головы – паства проходила мимо него на выход, и вот они снова одни, только они двое в этом большом белом зале.

Лукас проследовал за пастором в его кабинет, помог ему снять костюм для проповедей. Отвернувшись, чтобы не видеть пастора в нижнем белье, он помог ему надеть обычную одежду. Принес чашку свежесваренного кофе. Лукас молчал, пока пастор не уселся в кресло за письменный стол и не дал знак рукой, что Бог покинул зал и можно говорить.

– У нас новое имя, – кашлянул Лукас и достал конверт, спрятанный во внутреннем кармане куртки.

– Да что ты?

Пастор взглянул на него и взял конверт. Внутри лежал простой белый листок. Лукас не знал, что там было написано, видел только имя. Он понятия не имел, что это за имя, это касается только пастора. Его задача только забрать конверт и принести его пастору. Не открывая, быть просто вестником, ангелом.

Как обычно, пастор ничего не сказал. Он прочел имя, сложил листок пополам и убрал его в сейф под столом у окна.

– Спасибо Лукас, есть что-нибудь еще?

Пастор поднял на него глаза. Лукас улыбнулся в ответ на дружеский светящийся взгляд.

– Нет, ничего. Хотя да: ваш брат здесь.

– Нильс? Здесь? Сейчас?

Лукас кивнул.

– Он пришел прямо перед проповедью. Я попросил его подождать на заднем двореке.

– Хорошо, Лукас, хорошо. Можешь попросить его войти.

Лукас поклонился и вышел позвать гостя.

– Почему так долго? Я же сказал, что это важно!

Брат Симона, Нильс, также был высокопоставленным членом общины. Первый раз Лукас встретил его тогда же в той палатке на юге Норвегии, но, хотя он и был в приходе так же долго, он не всегда был на стороне пастора. Лукас знал, что было много шума и шепота по углам, когда правой рукой пастора стал он. Многие считали, что это место Нильса, но, как обычно, никто не смел перечить пастору. Несмотря ни на что, именно Лукас получил ключ к небесам.

– Вы же знаете, что для пастора очень важно помогать новичкам. Теперь он готов принять вас.

– Lux Domus, – пробормотал коротко стриженный брат.

– Lux Domus, – улыбнулся Лукас и показал ему дорогу.

Пастор встал, когда они вошли в кабинет. Гость поклонился и подошел к старшему брату. Поцеловал его в руку и в обе щеки.

– Садись, садись, брат мой, – сказал пастор и снова опустился на кресло за столом.

Нильс бросил взгляд на Лукаса.

– Мне выйти? – немедленно спросил Лукас.

– Нет, нет, останься.

Пастор жестом велел Лукасу сесть. Лукасу нужно присутствовать, он ведь один из посвященных, нет никаких причин покидать комнату.

Лукасу показалось, что Нильс явно был раздражен действием брата, но ничего не сказал.

– Как там дела у вас наверху? – спросил пастор, когда все трое уселись.

– Все хорошо, – кивнул брат.

– А забор?

– Сделано больше половины.

– Он будет таким же высоким, как мы договаривались?

Брат кивнул.

– Почему же ты не там сейчас?

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты здесь, когда у тебя есть работа там?

Нильс снова бросил взгляд на Лукаса. Как будто у него было что-то на сердце, что он не решался сказать в его присутствии.

– В общине стало на одного меньше, – пробормотал он наконец, склонив голову, словно ему было стыдно.

– Что значит на одного меньше?

– Неприятность случилась с одним из молодых.

– Что значит «неприятность»?

– Просто неприятность. Ошибка. Теперь уже все в порядке.

– Кто это был?

– Ракел.

– Милая Ракел? Моя Ракел?

Брат кивнул, еще ниже склонив голову.

– Она ушла от нас на одну ночь. Но теперь вернулась.

– И все в порядке?

– Да, все хорошо.

– Тогда я снова спрашиваю тебя, почему ты здесь, когда у тебя есть работа там наверху?

Нильс посмотрел снизу вверх на пастора, своего старшего брата. Хотя Нильсу было больше пятидесяти лет, сейчас он выглядел маленьким мальчиком, только что получившим нагоняй от отца.

– Ты просил держать тебя в курсе.

– Пока все хорошо – все ведь хорошо, не правда ли?

Нильс послушно кивнул.

– Мне кажется, быть может, было бы проще, если бы у нас были телефоны, – сказал он осторожно после паузы.

Пастор откинулся в кресле и соединил кончики пальцев.

– Что еще тебе кажется? У тебя есть другие замечания? Ты недоволен тем, что тебе дал Бог?

– Нет, нет, я ничего не имел в виду, я просто...

Нильс не мог подобрать слов и покраснел. Пастор помотал головой, и в комнате воцарилась странная тишина. Не странная для Лукаса – он всегда был на стороне пастора, но странная для брата, и заслуженная: как он посмел задавать вопросы о решении пастора? Брат встал, все еще глядя в пол.

– Вы придете к нам в субботу?

– Да, мы придем в субботу.

– Хорошо, тогда увидимся, – кивнул брат и вышел из комнаты.

– Lix Domus, – сказал Лукас, когда они с пастором снова остались наедине. Больше всего он любил такие минуты.

Пастор улыбнулся и посмотрел на него.

– Как думаешь, мы сделали все верно?

– Совершенно верно, – кивнул Лукас.

– Иногда я бываю не совсем уверен, – сказал пастор и снова сложил пальцы.

– Я кое-что должен вам сказать, – сказал Лукас.

– Слушаю.

– Вы знаете, что мой долг – заботиться о вас.

– Правда, Лукас? Правда? – улыбнулся пастор.

Лукас чуть покраснел. Он так хорошо знал пастора. Знал его голос. Знал, что тот его похвалил.

– Я не знаю, осведомлены ли вы, но, может статься, у нас в общине проблема.

– А, среди этих?

– Да, среди новичков.

– И в чем же проблема?

– На самом деле, я не знаю, это вам решать, моя работа только сказать, что я вижу, и заботиться о вас.

– Да, Лукас, ты это уже говорил, и я очень ценю. Так в чем же дело?

Лукас прокашлялся, прежде чем продолжить.

– Один из наших старых прихожан очень неудачно связался кое с кем.

Пастор покачал головой.

– Ты говоришь загадками, Лукас. Откройся. Говори.

– Старая дама в очках, в инвалидном кресле, она обычно сидит позади.

– Хилдур?

Лукас кивнул.

– Что с ней не так?

– Она мать Холгера Мунка.

– Чья мать?

– Холгера Мунка. Полицейского.

– А, вот оно что, он полицейский, я и не знал.

Лукас немного удивился, но ничего не сказал. Он прекрасно знал, что пастор в курсе, кто такой Холгер Мунк.

– Хилдур – его мать, – повторил Лукас.

– И почему это должно представлять для нас проблему?

– Я просто хочу, чтобы вы знали об этом.

– Ты думаешь о том, что было в конверте на этот раз?

Лукас осторожно кивнул.

– Спасибо, Лукас. Но я не думаю, что нам стоит беспокоиться о Хилдур Мунк. Сейчас у нас есть более важные дела, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Норвежский парламент. Здесь и далее – примечания переводчика.

2

Народное название места около центральной железнодорожной станции Осло, где собираются наркоманы.

3

Район, где располагается университет Осло.

4

Норвежская авиакомпания «Norwegian» предоставляет услугу – помощь детям, путешествующим без взрослых. Таким детям надевают специальную ленту с надписью «Я путешествую один/одна».

5

GCHQ (англ. Government Communications Headquarters – Центр правительственной связи) – спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

6

Глава полицейского участка, норвежский шериф.

7

Марк Дютру – бельгийский серийный убийца, виновный в похищении, изнасиловании и убийстве девочек, самой старшей из которых было 8 лет.

Латынь.

Купить: <https://tellnovel.com/samyuel-bork/ya-puteshestvuyu-odna-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)